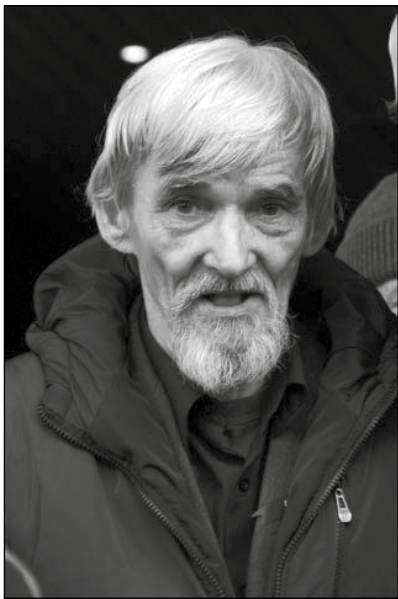

№143 2018 30 октября

Эта памятная дата установлена не государством. Тридцатое октября объявили Днем политзаключенного сами узники политических лагерей, боровшиеся за свободу и победившие в этой борьбе. Решение Верховного Совета России от 18.10.1991 г. внесло его в государственный календарь под названием «День памяти жертв политических репрессий». Но это было лишь признанием уже одержанной победы

ЮРИЙ ДМИТРИЕВ ПРИЗНАН НЕВИНОВНЫМ

5 апреля в Петрозаводске судья Марина Носова огласила оправдательный приговор руководителю Карельского «Мемориала» Юрию Дмитриеву.

20 марта прокурор Елена Аскерова потребовала для Дмитриева 9 лет лишения свободы с отбыванием срока в колонии строгого режима («30 октября») писала об этом подробно в № 142).

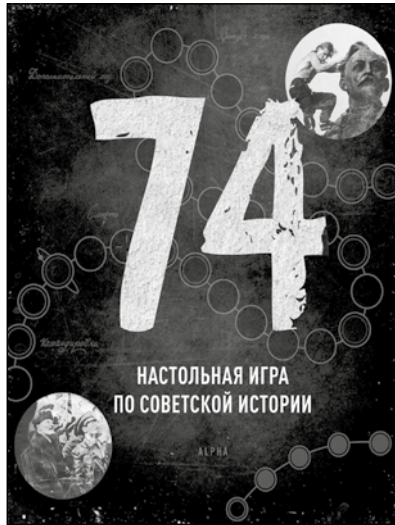
Адвокат Виктор Ануфриев 22 марта назвал дело Дмитриева издевательством. В Петрозаводске 25 и 26 марта прошла серия одиночных пикетов в поддержку Юрия Дмитриева. 8 человек час простояли в центре Петрозаводска. Одни держали в руках фотографии карельского историка, другие — плакаты с надписями: «Руки прочь от «Мемориала», «Свободу Юрию Дмитриеву!», «Нет реваншу НКВД! Юрий Дмитриев — узник совести!».

На заседании 5 апреля судья вынесла оправдательный приговор по двум статьям обвинения. По статье «Незаконное хранение огнестрельного оружия» судья назначила наказание 2 года и 6 месяцев ограничения свободы. За вычетом времени, которое Дмитриев уже провел в СИЗО, он будет ограничен в свободе 3 месяца — ему придется регулярно отмечаться в полиции. Прокурор Петрозаводска Елена Аскерова обжаловала решение городского суда.

Адвокат Дмитриева Виктор Ануфриев так прокомментировал решение суда: «Вчера в средствах массовой информации было обнародовано заявление президента Российской Федерации о том, что судьи, не исполняющие закон, должны искать другую работу. Сегодняшний приговор является подтверждением, что это заявление президента услышано. Почти по всем статьям Юрий Алексеевич оправдан, вынесено постановле-

Окончание на с. 4 ➤

На снимке: Юрий Дмитриев. Фото Сергея Маркелова

Идея игры и ее первый прототип появились в диссидентской среде еще в 1980-х годах. От тех времен осталось игровое поле, которое в 2009 году Сусанна Печуро передала музею «Мемориала». Ей игру в свое время подарила писательница Любовь Кабо. Кем и когда игра была создана, точно не известно.

Сюжет игры — судьба семьи в XX веке. На игровом поле не без примеси черного юмора представлена история страны этого времени. Персонажи оказываются в круговороте событий, определивших историю СССР и всего мира в XX веке: революция и Гражданская война, военный коммунизм и нэп, лагерь ГУЛАГа и Вторая мировая война, оттепель и застой, Пражская весна и Перестройка.

«Участникам игры предлагалось отправиться в эмиграцию, отсидеть в ГУЛАГе, похоронить четырех вождей (с обязательным трауром), попасть под дурное влияние или уйти в запой. Однако правила игры были утеряны. Нам так и не удалось найти ни авторов, ни тех, кто когда-то в нее играл. Завороженные полем, мы хотели восстановить оригинальные правила. Но скоро стало понятно, что в 1980-е в настольные игры играли совсем иначе, чем сейчас», — пишут создатели новой игры на сайте Planeta.ru, где происходят сбор средств и предзаказ издания. Год назад артефакт извлекли из архива, чтобы показать школьникам, и тогда же возникла мысль, что его можно доработать и превратить в полноценную настольную игру, которая стала бы не только развлечением, но и поводом для разговора об истории нашей страны.

ИГРОВОЕ ПОЛЕ ИСТОРИИ СТРАНЫ

«Международный Мемориал» занимается развитием проекта настольной игры «74». Впервые ее показали зрителям и участникам на ярмарке Non/fiction-2017. С этого времени проект доработали и напечатали первый тираж игры. Сейчас идет сбор средств на новый тираж.

Играл в шахматы. Кто-то в углу произнес имя «Ахматова»; прислушался, что-то нехорошее; читали газету. Кончив партию, пошел за газетой.

— Николай Пунин

БРОСОК КУБИКА
1-4: ОТПРАВИТЬСЯ В ГУЛАГ
5-6: ОСТАТЬСЯ НА СВОБОДЕ

Разработчики игры решили упростить поле, сохранив при этом его общий вид, придумать несложные правила и положить в основу

игрового процесса 254 (?) карточки, на каждой из которых — цитаты из дневников очевидцев или просто современников событий того времени. Каждый игрок вначале выбирает себе персонажа — рабочего или крестьянина. Эти классы персонажей являются базовыми. Другие классы — «военный», «чекист», «специалист» и «враг народа» — приобретаются в ходе игры.

МЕХАНИКА ИГРЫ

Игроки начинают свой путь в 1917 году и завершают в 1991-м. Перемещение происходит по двум линиям: истории и личной жизни. Персонажи проживают все важные для советской цивилизации события, живут и умирают. По мере продвижения игроки собирают кар-

Окончание на с. 2 ➤

На снимках: Ирина Галкова и Никита Петров на презентации игры. Фото Романа Воронцова
Игровые карточки

Дорогие читатели!

Если Вы хотите получать газету по электронной почте, то отправьте запрос на бесплатную pdf-подписку: 30october@cknot.info

Тираж газеты существенно сокращен — нет денег на дорогостоящую рассылку у «Международного Мемориала».

Если Вы не пользуетесь компьютером, сообщите свой адрес почтой, постараемся передать с оказией.

Главный редактор
Григорий ШВЕДОВ

В НОМЕРЕ:

Московские лагеря с. 2

Неофициальные философы СССР с. 4

За все ответил Сокол с. 5

Греческая операция — одна из трагедий инациональностей с. 6

Краснодарский «Мемориал» заявил о ликвидации юридического лица с. 8

Не было никакой Александры Толстой с. 10

ЗАГАДОЧНЫЕ ВСТРЕЧИ

Более 20 лет занимаюсь я сбором материалов об истории и узниках одного из самых больших концентрационных лагерей ГУЛАГа — Карагандинского ИТЛ ОГПУ-НКВД-МГБ (Карлага). За эти годы я собрала десятки свидетельств и воспоминаний. Встречалась и переписывалась как с теми, кто был осужден в годы сталинских репрессий по 58-й статье, назван «врагом народа», а позже реабилитирован, так и с теми, кто в те годы служил в войсках НКВД, в надзорсоставе Карлага, в управлении лагеря...

Выпустила за эти годы две книги очерков, стала автором-составителем «Книги скорби. Расстрельные списки», где собрано более трех тысяч имен невинно расстрелянных органами НКВД на территории Караганды и области, а ныне реабилитированных посмертно «врагов народа».

Мне вспоминаются две загадочные встречи. Встречи с прошлым, которым я стала невольной свидетельницей.

СТРАННОСТИ ВРЕМЕНИ

Было это в 1990 или 1991 году, не позже. В Караганду неожиданно приехал гость из Каракалпакии (автономная республика в составе Узбекистана) и обратился в тогдашний облисполком с просьбой помочь ему найти следы отца, Реджаба Бабаниязова, пропавшего без вести и, возможно, погибшего в Карлаге. Гость был высоким по тем временам — председатель Верховного Совета Каракалпакской АССР.

В архиве Управления правовой статистики и спецучетов, где хранится архив Карлага, мне удалось найти лагерное дело Реджаба

Окончание на с. 11 ➤

На снимке: Развалины бывшего оперчекистского отдела в Долинке — там «давали» второй срок или оттуда отправляли на расстрел. Фото автора

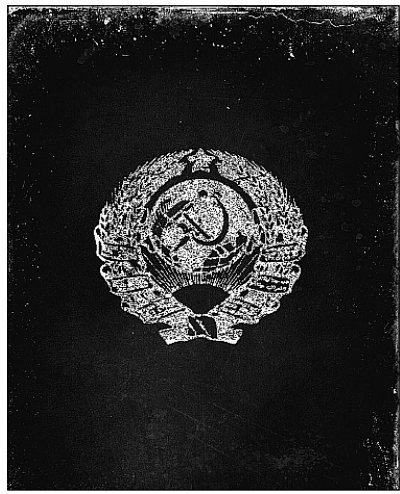

ИГРОВОЕ ПОЛЕ ИСТОРИИ СТРАНЫ

➤ Окончание. Начало на с. 1

точки, которые формируют биографию игрового персонажа, а затем и целой семьи. Если в процессе игры персонаж погибает, игра продолжается от имени его детей или внуков. Так начинаются новый ряд и новая биография. Игра заканчивается, когда один из игроков достигает поля, следующего за 1991 годом. В конце игры каждый участник рассказывает историю нескольких поколений своей игровой семьи.

148 карточек исторических событий рассказывают об одном явлении, произошедшем в определенном году. Рассказ дается глазами очевидца. Для этого разработчики игры перебрали сотни дневников и архивных документов. Каждое событие игры сопровождается на карточках небольшим комментарием, найденным разработчиками в реальных дневниках XX века в сотрудничестве с проектом «Прожито» («30 октября» писала о проекте в № 138). Второй источник цитат и комментариев на карточках — архив исследовательских работ конкурса «Человек в истории. Россия — XX век», а для иллюстраций использовались архивные кадры проекта «История России в фотографиях» («30 октября» писала о проекте в № 140). Участник может пополнить список исторических событий: в комплекте игры есть незаполненные карточки и специальный стирающийся маркер.

В игре 7 классов персонажей. Участие в исторических событиях влияет на положение персонажа в советском обществе: он может оказаться маргиналом («бывший», «неформал» или «враг народа»), обнаружить себя среди элиты советского общества («военный», «чекист» или «специалист») или сохранить связь с деревней или заводом.

У персонажей есть 20 событий личной жизни — это женитьба и несчастная любовь, рождение ребенка, страх, покупка автомобиля — как повезет.

Лагеря — это отдельный мир. Судьба вашего персонажа в нем определяется десятью карточками отсидки. Здесь вас ждут сотрудни-

чество с лагерной администрацией или блатными, посылки от родственников, попытки побега.

Привилегированным классам советского общества открыт путь за границу в кратковременные или долговременные командировки, представленные на девяти карточках. После пересечения границы ваш персонаж сталкивается с напастями капиталистического мира: охотой спецслужб, неожиданным обогащением, банкротством, ностальгией по родине. Каждая карточка определяет вашу участь за границей и приближает или отдаляет возвращение домой.

Примечательно, что игра вызвала большой интерес у преподавателей истории. По словам Алексея Макарова, она отлично мотивирует детей, которые слабо ориентируются в истории советского периода. «Пройдя в игре путь своего персонажа, ребенок перестает воспринимать события прошлого как абстракцию. Играть в нее можно в школе, в компании друзей или в семье. Мы считаем, что самым младшим игрокам должно быть не меньше 8 лет», — отметил он.

ДОСТИЖЕНИЕ. КИНО 10

Фильм «Кино-глаз» Дзиги Вертова получил серебряную медаль и диплом на Всемирной выставке в Париже. Русский киноавангард завоевал международное признание, а Дзига Вертов — картбланш на съемки следующего фильма.

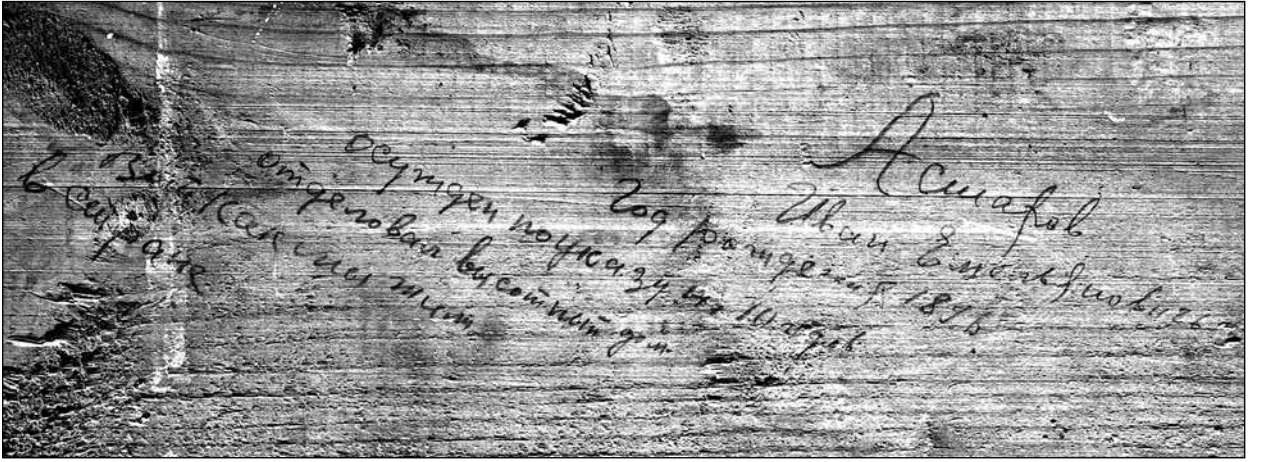
Подробнее узнать о проекте можно на сайте «Международного Мемориала» memo.ru и на интернет-платформе Planeta.ru, где можно оставить пожертвование или сделать предзаказ игры.

Уже через сутки после старта кампания по сбору средств прошла первый символический рубеж в 74 тысячи рублей. На 14 мая собрано более 385 тысяч рублей. Увеличение собранных денег поможет донести большее число экземпляров и удешевить рассылку.

На снимке: Игровое поле и карточки игры «74». Фото из музея «Международного Мемориала»

МОСКОВСКИЕ ЛАГЕРЯ

15 апреля в Москве в галерее «Измайлово» историк Евгений Натаров прочел лекцию «Лагеря в Москве и Московской области с 1917 по 1956 год». Натаров, автор тематического слоя «ГУЛАГ в Москве» проекта «Это прямо здесь: Москва. Топография террора», рассказал о неизвестных ранее местах расположения лагерей в Москве и области.

На снимке: «Астахов Иван Емельянович. Год рождения 1896 осужден по указу на 10 годов. Отдельвал высотный дом. Вот как мы жили в стране» (Фамилия может быть прочитана, как Астаров, Асшаров и Астафов).

Надпись оставлена на внутренней стороне дверного наличника. Опубликовавший фотографию надписи Павел Иовик жил в высотке на Котельнической и получил наличник от электрика местного жэка, который рассказал, что взял его у рабочих, ремонтировавших квартиру в этом же доме. Иовик передал наличник в Музей истории ГУЛАГа.

Мероприятие прошло в рамках проекта «Международного Мемориала» «Это прямо здесь», показывающего на виртуальной карте места в Москве, где размещались концентрационные лагеря и тюрьмы, и рассказывающего о них (на материалы проекта можно подписаться и получать их на мобильный телефон с помощью программы Telegram). Как следует из названия, лекция была посвящена тем лагерям, которые работали в столичном регионе в период с 1917 по 1956 год. По словам исследователя, в первую очередь лагерями становились монастыри, доходные дома, фабрики, заводы, совхозы и стройки. Именно руками заключенных были вырыты Лихоборский, Хорошевский и Карамышевский каналы; в предвоенный период и во время войны узники построили оборонные заводы, отливали мины на Станколите, Соколе и в Карачарове, проложили важнейшие транспортные артерии Москвы — Хорошевское, Ленинградское, Минское, Калужское, Рязанское шоссе; именно заключенные московских лагерей возвели «сталинки» — жилые дома для НКВД и крупных советских чиновников. К сожалению, заключает Натаров, сегодня каторжная работа узников, зачастую заканчивавшаяся смертью, ушла в область городских слухов.

Лагерная география потрясает: учреждения располагались чуть ли не под носом у кремлевских «шишек» — это Китай-город, Бульварное, Садовое и районы Третьего транспортного кольца. Дальше след тянется за МКАД, в десятки подмосковных городов. Чтобы понять, где располагались лагеря и кем были их заключенные, Натаров изучил тысячи дел в четырех московских архивах и нашел сведения о двух сотнях ранее неизвестных сталинских лагерей ГУЛАГа в Москве.

Лекция собралась в небольшом зале галереи «Измайлово» около 50 человек.

Первой слово взяла Екатерина Мельникова, сотрудница «Мемориала», куратор проекта «Это прямо здесь», которая вела мероприятие. «Наш проект — это карта Москвы, на которой отображены так называемые слои, рассказывающие про разные аспекты репрессий

в городе. Нам крайне важна связь Москвы с памятью, поэтому мы пытаемся нарисовать соответствующую виртуальную карту города», — сказала она.

За несколько минут до начала мероприятия публика не удержалась от нескольких вопросов Евгению Натарову. «Рабочий поселок» — этими словами начал лекцию Натаров. Сегодня так называется железнодорожная станция, расположенная на границе районов Кунцево и Можайский в Западном административном округе Москвы. Это тихая, спокойная, зеленая территория, где не спеша прогуливаются пенсионеры и молодые мамы с колясками. Доехать от Рабочего поселка до центра Москвы сейчас можно за каких-то 20 минут. Но так было не всегда. Еще в середине прошлого века здесь соседствовали поселок, построенный специально для рабочих, и лагерь ГУЛАГа. По словам Натарова, это уникальный случай: в изученных им документах больше нигде «лагерь» не располагался рядом с чем-то, что носило название «рабочий». Лагерь числился за НПО (?) Лавочкина в Химках и имел целью строительство жилья для партийной элиты — в частности, узники лагеря возводили дома на улице Ленина, переименованной сейчас в Полоцкую. «Целый лагерь строил дом № 7!» — рассказал Натаров.

Автор плавно перешел к истории лагерей, располагавшихся в Москве. «Первые из них появились еще во время Первой мировой войны», —

сказал Натаров, указав на разноцветные круги на интерактивной карте, развернутой на экране. По цвету различают время работы лагерей. К примеру, серый цвет означает, что учреждение работало в 1940–1950-х годах, а синий — в 1920–1930-х годах.

ВРАЖДЕБНЫЕ ГРУППЫ

Первые лагеря использовались для содержания военнопленных. Лагеря располагались вдоль кольца московской Малой железной дороги (МЖД). Первым из них был лагерь на фабрике Моргунова, куда свозили пленных австрийцев, а первый карантинный пункт располагался возле станции Серебряный бор. Первый сборный пункт находился возле Пресни — главной станции МЖД. Также одним из первых лагерей было учреждение на станции Кожухово. Лагерь носил название «13 эвакуационный пункт». «Этот лагерь находился прямо в зоне отчуждения. В него попадали сразу, спускаясь с поезда», — прокомментировал Натаров.

Во времена революции лагерь заполнили «контрреволюционеры». Недовольных политикой

Окончание на с. 3 ➤

На снимках: Оформление во 2-й (Новоспасский) перед исправдом.

Женщины на трудовых работах. 1924–1926. Фото РГАКФД

➤ Окончание. Начало на с. 2

большевиков привозили сюда для изоляции. «Сюда попадали люди не по обвинению в преступлении и не по подозрению в причастности к преступлению, а по принадлежности к какой-то группе, которую большевики считали враждебной. Люди расценивались как

привить социалистическое мировоззрение. Во Владыкинском лагере были Вторая и Третья дружины, а в Рождественском — Первая», — прокомментировал Натаров.

Слово «концентрационный» тогда еще не носило крайне страшного и опасного оттенка. Это был обычный термин для отличия условно исправительного учреждения от

из последних сил. Согласно правилительственной директиве, «передачки» от родных заключенным делились между руководством лагеря, и только потом часть провизии поступала узнику. «По сути, «передачка» была единственным способом выживания: те, кто их не получал, быстро умирали», — прокомментировал Натаров.

никами были как раз «принудработчие», физически не справлявшиеся с тяжелым трудом. «Начальники колоний писали, что заключенные не работают. Те же, не обладающие крестьянскими умениями и силой, банально работать не могли», — подчеркнул Натаров.

Начальство начало сомневаться в системе, при которой рабский

для изготовления консервных банок. «Граната РГ-42 — это как раз и есть консервная банка с запалом», — сказал Натаров.

К 1945 году почти все лагеря Московского региона были либо закрыты, либо перенесены. Однако местные заводы продолжали производить оружие вплоть до 1956 года.

После официальной части залу предложили задавать вопросы. Большой активности не наблюдалось — после лекции ее посетители поделились мнением с корреспондентом «30 октября», что лекция была полной и исчерпывающей.

Слушатели полюбопытствовали, достоверно ли, что самые крепкие дома в Москве выстроены руками пленных немцев. Натаров отвечал, что проверить это невозможно — данные не указываются в документах лагерных управлений. «Известно, что в Ховринском лагере пленные располагались практически совместно с советскими заключенными. Можно сказать, что это был один лагерь... Стопроцентно можно сказать, что дома, построенные после 1949 года, возведены не пленными, так как именно тогда состоялось возвращение немцев на родину», — сказал Натаров.

Также собравшихся интересовали размеры заработка заключенных (плата за труд узником все же начислялась). По словам Натарова, согласно отчетам, они получали «четверть зарплаты рабочего». Конкретные цифры Натаров не назвал. Спрашивали и о быте заключенных. Натаров утверждал, что в воспитательной части ставились спектакли, заключенным позволялось смотреть кино, а руководство ругали, если не было библиотеки.

«ГУЛАГ в Москве» — одна из топовых лекций. Интересно наблюдать за удивлением людей, которые постоянно ходят мимо магазинов, контор, фирм и жилых зданий, не зная, что это место окроплено кровью, здесь был лагерь. Люди, выез-

члены воюющей армии», — сказал Натаров.

Однако существовавших на тот момент лагерей оказалось недостаточно. Весной и летом 1919 года в связи с переполненностью лагерей были открыты новые, которые стали необходимыми большевикам с началом Гражданской войны. «Официально они назывались лагерями для пленных, в частности Кожуховский, но в лагере попадали все, кто воевал против большевиков. Прежде всего эзков размещали в зданиях монастырей, которые, по представлению устроителей, отвечали требованиям изоляции, чтобы те не смогли противопоставить себя власти. Так был открыт лагерь в Ивановском, Новоспасском и Андрониковом монастырях. За пределами Москвы новый лагерь открыли в Саввинском монастыре в Звенигороде», — рассказал Натаров.

Однако использовались и иные здания. Так, Новоспасский лагерь был обустроен в «доме дешевых квартир» у Смоленского рынка. До революции здесь был дом для инвалидов, на месте которого сейчас расположено английское посольство. Покровский лагерь, несмотря на монастырское название, не был расположен в монастыре, а занимал флигели особняка на Покровке. В декабре 1919 года в подмосковном Покрове открылся Орехов-Зуевский лагерь, а в июне 1920 года — Ордынский и Рождественский лагеря. Эти лагеря размещались в зданиях складов или контор, уточнил Натаров.

К середине 1920 года в перечисленные лагеря стали отправлять не только «контрреволюционеров», но и обычных преступников — воров, спекулянтов. По сути, «черный рынок» был единственным способом выживания граждан, однако попасть в лагерь мог даже обычный торговец пирожками на рынке, констатировал исследователь.

ИЗБЕЖАТЬ СЛОВА «ЗАКЛЮЧЕННЫЙ»

К концу 1920 года Новоспасский лагерь стал «лагерем-распределителем». Схема заключения была проста: сначала узник попадал в лагерь-распределитель, а затем направлялся в место заключения.

Чаще всего лагеря имели собственные названия, но наиболее распространенное — «Концентрационный лагерь принудительных работ». Некоторые лагеря имели добавку — «особого назначения». «Впрочем, за что выдавалась приставка и что она означала, до сих пор неизвестно», — подчеркнул Натаров. «При выборе названия старались избегать слова «заключенный», сублимируя его чаще на «военнопленный». Так повелось после того, как пленных поляков, до недавнего времени — подданных одного государства, — стали объединять в дружины, чтобы отодвинуть от идеи Шляхты и

детского, спортивного или военного лагеря. Куда важнее слово «лагерь», которое подразумевало временность учреждения. Этим подчеркивалось падение института тюрьмы, наступление «нового мира», где «нет угнетения и преступлений». При этом и заключение в лагерь приобретало как бы временный характер — лишь на период строительства государства. «Временность» лагеря хорошо просматривается в романе Андрея Платонова «Чевенгур», в котором повествуется об установлении коммунизма через призму изгнанных из общества людей. Недаром роман заканчивается трагически», — сказал Натаров.

В декабре 1920 года в связи с затуханием Гражданской войны лагеря закрывались — к примеру, Звенигородский лагерь. Однако не прошло и полугода, как они

В это время на экране появились цифры — количество пайков, которые государство все же выдавало в качестве помощи лагерям. Июль 1922 года: Новоспасский, Покровский, Лианозовский — 500 пайков, Семеновский — 600 пайков, Ивановский — 400 пайков, Андроновский и Новоспасский — 1000 пайков. Каждый паек соответствовал одному заключенному, но этого было катастрофически мало. Как отметил Натаров, в лагерях узников было как минимум в 2 раза больше.

БЕЗДЕЛЬНИКОВ — К ТРУДУ

Период между второй половиной 1920-х годов и началом 1930-х годов ознаменовался переименованием части лагерей в «исправительные дома» либо «дома предвари-

начали снова открываться — это Семеновский лагерь в Покровском монастыре, Знаменский лагерь, Сергиево-Посадский лагерь, Гаша-Заводский концентрационно-производственный лагерь у станции Лианозово, 3 лагеря у станции Крюково — «Крюковский производственный район» — и лагерь в Ростокинском производственном районе в здании кирпичного завода на проспекте Дежнева. Последний принимал пленных венгров, а также их жен и детей. Еще одним местом заключения стала Ходынская больница.

Новые лагеря были необходимы властям уже не для изоляции «контрреволюционеров» — нужны были рабочие. За свой труд — к примеру, производство кирпича — им было положено жалование, однако, как указал Натаров, ссылаясь на записки руководителя одного из лагерей, узники «практически ничего не получали». По сути, люди работали за еду.

В 1922 году с концом военного коммунизма лагеря сняли с государственного снабжения, что ознаменовало новую веху развития системы лагерей. «Теперь, — говорили власти, — вы [лагеря] все необходимое должны заработать сами». В это невозможно было поверить! Потому что лагеря и так держались

тального заключения». Однако по сути учреждения продолжали нести ту же функцию — заставлять бесплатно трудиться. Лозунгом лагерей стало: «Бездельников — к труду». Узники пытались дать специальную — по аналогии с ликвидацией безграмотности в тюрьмах, чтобы узник после освобождения предпочел жить трудом, а не преступлением. Однако на деле это исполнялось далеко не всегда. Любопытно, но гражданам, жившим на свободе, казалось, что узники ничего не производят.

Тем временем на экране — Новоспасский монастырь. Здесь был расположен женский концентрационный лагерь, «исправдом».

1925 год — время «тюремной фабрикации». Колонии давали красочные объявления в газеты о своих «успехах». Кирпичные, мыловаренные заводы пытались стать частью экономической жизни, отчитываясь о том, что зарабатывают больше «свободных» конкурентов. Однако если прогресс и был, то достигался он с помощью вольнонаемных — профессионалов, оставшихся без работы, которые сами шли на работу в лагерь. Также доход обеспечивался «патронируемыми» — теми, кто освободился из тюрьмы, но пожелал получить профессию. Самыми «плохими» работ-

труд оказался невыгоден. Однако на рубеже десятилетий родилась идея ГУЛАГа. Родоначальником идеи стал глава Крюковской колонии, который, не выполнив план по кирпичам, сделал вывод: человек, посаженный в колонию на короткий срок, работать не станет. Необходимы люди с длительным заключением и усиленная охрана. «Начальство смотрело на идею с производственной точки зрения. По-настоящему заставить ээка, поступившего на короткий срок, невозможно, а вот на длительный... С охраной...» — прокомментировал Натаров.

ОБЕЗЛИЧЕННЫЙ КОНТИНГЕНТ

В 1931 году появился ГУЛАГ. В основном в 1930-е годы лагеря столичного региона использовались

для рытья каналов, энергетических объектов, водонасосных станций, портов. С тех пор труд уже не нес функции исправления заключенного, но это было и не наказание. Заключенный воспринимался как часть производства, как элемент производственной деятельности. «Именно поэтому узников назвали «контингент». Абсолютно обезличенный, нечеловеческий подход к людям», — пояснил Натаров.

В 1936 году московскому ГУЛАГу подчинялись 6 объектов — 4 тюрьмы и 2 исправительно-трудовые колонии. Остальные лагеря были закрыты. К 1938 году их количество продолжило сокращаться, однако были организованы «строительные отряды». «Заключенные строили заводы в Ховрине, Электростали, Наро-Фоминске, Щербинке. Широко распространилась практика отправки заключенных на торфяники», — рассказал Натаров.

С началом Великой Отечественной войны лагерная система сильных изменений не претерпела. По указу Сталина от 23 июня 1941 года почти всех лагерных узников перебросили на стройки заводов, а в начале 1942 года направили на производство, литье снарядов. Поначалу заключенные работали на станках, предназначенных для мирных целей, — к примеру,

жая на дачу, даже не представляют, по каким подмосковным местам они едут. Приятно, что люди слушают с искренним интересом. Ведь большинство из нас считает, что ГУЛАГ — это Соловки, Сибирь, это где-то далеко. А оказывается, что он у нас под носом», — сказала в заключение корреспонденту «30 октября» Екатерина Мельникова.

Олег КРАСНОВ,
корреспондент Интернет-издания
«Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

На снимках: Из фотоальбома «Труд, быт и отдых заключенных Баковского ИТЛ» за 1956 год: «Арматурщики Чудинов В.П. и Аксенов В.А. дневное задание выполняют на 145%, изготавливаемая ими арматура отличного качества».

«Звено рационализатора Тумас за установкой карнизов 5-го этажа жилого дома № 7»

Кадры из фотоальбома «Трудовая жизнь заключенных УИТК УНВД по МО»

1944 года: «культурно-воспитательная работа в ОЛП завода «Станколит» была «неплохо поставлена».

«Кухня заключенных в ОЛП на заводе «Станколит».

Фото ГАРФ

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

ИСТОРИЯ ИНАКОМЫСЛИЯ

ЮРИЙ ДМИТРИЕВ ПРИЗНАН НЕВИНОВНЫМ

➤ Окончание. Начало на с. 1

ние о праве на реабилитацию. Он признан виновным в хранении фрагмента гладкоствольного ружья: 2 года 6 месяцев ограничения свободы, то есть 2 раза в месяц он должен отмечаться в инспекции. 1 год, 1 месяц и 15 дней содержания под стражей — 1 день содержания под стражей приравнен к 2 дням лишения свободы, то есть 2 года и 3 месяца он уже отбыл».

В Петрозаводск на оглашение приговора приехал председатель Международного общества «Мемориал» Ян Рачинский.

«Это просто вопиющее дело. И когда человека, подвижника обвиняют бог весть в чем, это обвинение не может быть реальным. Это мое естественное движение сделать то, что возможно, выразить свою солидарность. Она имеет разные формы. Но сегодня день приговора. Меня больше заботила судьба конкретного человека, чем то, как это повлияет на «Мемориал». Это намного важнее. А так, да, конечно, разные малопочтенные средства массовой дезинформации используют этот сюжет. Что сделаешь, никого не заставишь быть честным», — сказал Рачинский.

Оглашение приговора проходило, как и весь процесс, в закрытом режиме. Перед началом заседания судебные приставы перекрыли коридор, журналисты, друзья и все те, кто поддерживал Дмитриева, не смогли пройти к дверям зала заседаний.

14 апреля стало известно, что родная бабушка приемной дочери Юрия Дмитриева Наташи обжаловала приговор руководителю Карельского «Мемориала» в Верховном суде республики. В течение года Наташа жила у бабушки, которая не разрешала Дмитриеву общаться с девочкой. После вступления приговора в силу это ограничение будет снято, но наличие судимости за хранение оружия не дает права Юрию Дмитриеву официально оформить опеку. Сам Дмитриев не комментирует этот запрет.

Александр Черкасов, член правления общества «Мемориал», полагает, что оправдание Дмитриева было бы невозможным без массовой кампании солидарности. «Три фактора — грамотная защита, кампания в поддержку Дмитриева и сам факт его невиновности — сделали обвинительный приговор неудобным для власти и для судьи», — считает правозащитник.

В защиту Дмитриева выступили многие историки и общественные деятели. Сразу после ареста Дмитриева правление «Международного Мемориала» обратилось к прокурору Республики Карелия с просьбой взять дело под личный контроль. Петицию с требованием соблюдения законности в деле Дмитриева подписали более 40 тысяч человек. Прессе-брифинг «Дело Юрия Дмитриева», прошедший в «Международном Мемориале», и статья Шуры Буртина «Дело Хоттабыча» стали началом кампании в поддержку Юрия Дмитриева в прессе. Видеообращения о деле Дмитриева, записанные известными учеными, музыкантами, актерами, писателями, опубликованы на канале Delo Dmitrieva в YouTube.

По материалам
интернет-издания «7x7.
Горизонтальная Россия»,
группы «Дело Дмитриева»
в Facebook
и «Международного Мемориала»

НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ ФИЛОСОФЫ СССР

28 марта в помещении «Международного Мемориала» в рамках постоянно действующего семинара «От цензуры и самиздата к свободе печати», организуемого «Мемориалом» совместно с Государственной публичной исторической библиотекой России, прошел «круглый стол», посвященный неофициальным философским семинарам Москвы и Ленинграда 1950–1980-х годов. Он был приурочен к 100-летию со дня рождения знаменитых философов второй половины XX века Владимира Библера, Елезара Мелетинского и Григория Померанца. Подпольный научный семинар как явление — во многом детище ситуации, складывающейся при тоталитарных режимах, когда вследствие тех или иных причин ученые не могут заниматься той или иной областью науки официально, но при этом хотят обсуждать интересующие их идеи в кругу людей, понимающих эту проблематику.

Главный научный сотрудник Центра методологии и этики науки Института философии РАН Светлана Неретина и главный научный сотрудник Института философии РАН Тамара Длугач рассказывали о семинаре Владимира Библера. Главный научный сотрудник Института высших гуманитарных исследований им. Е.М.Мелетинского Нина Брагинская — о семинаре Ивана Рожанского и Елезара Мелетинского. Директор Левада-центра Лев Гудков и глава отдела социально-культурных исследований того же центра Алексей Левинсон рассказывали о семинарах Юрия Левады, культуролог Юрий Фрейдин — о нескольких философских семинарах Москвы и Ленинграда, а литературовед Михаил Шейнкер — о месте Ленинграда на карте неофициальной науки в СССР.

Говоря об условиях возникновения философских семинаров, практически все участники вечера сходились на том, что их причиной было вытеснение всякого подобия самостоятельной научной мысли из официальных институций. Так, Светлана Неретина рассказала, что семинар Библера возник после разгона сектора методологии истории Института истории АН СССР в 1968 году, где Михаил Гелфтер пытался организовать новую ветвь науки — историку (науку об истории). «Впрочем, мы в этом секторе вели себя не слишком корректно — считали себя слишком умными, разговаривали несколько свысока, полагая, что слова «мы из сектора методологии» откроют нам все двери. Однако оказалось, что они открывали не все двери или не те», — заметила она. При этом, по словам Неретиной, для Владимира Библера официальная институционализация семинара была необязательной. «Для Библера семинар был продолжением такого классического салона, и поэтому он организовывал его там, где он сам находился», — отметила она.

Нина Брагинская подчеркнула, что нормальный научный семинар не может быть домашним, а домашний семинар — это «научная деятельность в несвойственной ей обстановке».

«Как они появляются? Они появляются тогда, когда возникает молодое поколение, не для этой эпохи, не для такого климата», — сказала она, наметив даже некоторую хронологию для трех волн таких семинаров. Первая из них датируется началом 1920-х годов, большинство ее участников стали жертвами репрессий; вторая — концом 1960-х, когда пришло «поколение оттепели», а третья — 2010-ми, и здесь Нина Брагинская выступа-

ла уже в роли не только участника, но и организатора семинаров.

«Это происходит тогда, когда люди, выросшие в атмосфере свободы, не находят себе места в новом истеблишменте», — пояснила Брагинская, заметив, что, хотя внешне участники семинаров были «несколько увечны в социальном смысле» (А.В.Ахутин работал химиком, сама Брагинская — лифтером, а А.Лебедев, подготовивший издание антологии философов-до-

сократиков, долгие годы был «научно-техническим работником»), в рамках семинаров они «занимались философией в своей среде». Она также выделила как сильные, так и слабые стороны домашнего семинара, отметив, что в дальнейшем они были перенесены участниками в «большую науку». «Что дает домашний семинар? Свободу, которую человеку науки. Когда ему не говорят, что у него есть конкретный план, и он действительно свободен, вращаясь в среде тех, кто способен оценить его труды. Что плохого в научном семинаре? Если он будет существовать очень долго, а нормальный срок для семинара 3–7 лет, и в условиях внешнего давления, то в нем возобладает внутренний конформизм — «как я могу критиковать своего лучшего друга, у которого еще и были недавно неприятности с КГБ?» — и нежелание допускать в свой внутренний круг посторонних. Это понятно, но для науки такие привычки закрытого сообщества — это плохо», — заключила Нина Брагинская.

Культуролог Юрий Фрейдин отметил, что становлению философских семинаров способствовала деятельность властных институций в лице Государственного комитета по науке и технике (ГКНТ), который введением планирования в науке создал «атмосферу, вытеснявшую свободно творившего человека на частные семинары», и ликвидировал в отраслевой науке возможность индивидуальной научной работы.

Михаил Шейнкер коснулся того, что он назвал «ленинградским текстом российской культуры XX века». Он отметил, что Ленинград был очень активным городом в плане проведения неофициальных семинаров по гуманитарным наукам.

Более того, именно в Ленинграде в 1979–1982 годах выходил единственный самиздатский реферативный журнал «Сумма», в котором печатались почти 20 авторов. По мнению М.Шейнкера, такая активность во многом была следствием большей, чем в Москве, жесткости чиновников в отношении «официальных» ученых, что выталкивало многих людей на обочину.

Лев Гудков отметил, что семинар Левады прошел несколько этапов с разными функциями, задачами, составом участников. Вначале это был официальный семинар в Институте конкретных социальных исследований (ИКСИ), просуществовавший с октября 1966 по май 1972 года, проведший 213 заседаний и подготовивший 17 сборников. Второй семинар, уже неофициальный, был организован Левадой после разгона ИКСИ в 1972 году. Он функционировал с 1973 до 1990 года с перерывом в 1978–1983 годах. И третий, совсем домашний, семинар из 5–7 человек собирался в 1978–1983 годах. При этом, как отметил Алексей Левинсон, семинары у Юрия Левады пользовались большой популярностью. «На семинары (а потом и на лекции Левады на факультете журналистики МГУ) приходила буквально вся Москва. Это

Окончание на с. 5 ➤

➤ Окончание. Начало на с. 4

были люди, которые с необычайной жадностью хотели узнать — чем живет страна», — вспоминал он.

Что касается тем, рассматривавшихся на семинарах, то, по словам Светланы Неретиной, семинар Библера был неполитическим. «Мы занимались самым что ни на есть нормальным делом — теорией диалога», — рассказала она. Тамара Длугач также отметила, что основным занятием семинара были философия и споры с «туровцами» — участниками еще одного неофициального семинара, которым руководил культуролог Марк Туровский. «Мы занимались чистой философией, никакими диссидентами мы, конечно, не были», — подчеркнула она, отметив, что актуальные события вроде пода-

вления не было, и потому Левада приглашал людей из иных специальностей. Проводя такие семинары, мы возвращали страну самой себе».

К сожалению, иногда деятельность семинаров привлекала к себе неблагосклонное внимание властей. Так, работа семинара Владимира Библера прервалась в 1984 году, когда была арестована ближайшая ученица Библера и участница диссидентского движения Лина Туманова. «Нас начали таскать на допросы в КГБ. Мы не знали, как себя вести, знали только, что нельзя ни в коем случае подписывать протокол», — вспоминала Светлана Неретина. В 1978 году из-за доноса был разогнан неофициальный семинар Юрия Левады, который вновь начал собираться лишь через 5 лет.

вления Пражской весны в 1968 году, конечно же, обсуждались. По словам Нины Брагинской, подобная ситуация была и на семинаре Рожанского. Там текущие события обсуждались, но уже после всех докладов, за чаем.

Семинар Мелетинского занимался мифологией народов Сибири. Из него во многом вырос проект «Мифы народов мира», а затем, когда ситуация изменилась, — и Институт высших гуманитарных исследований РГГУ.

Задачей официального семинара Левады, как отмечал Лев Гудков, «было быстро освоить достижения немецкой, французской, английской, американской социологии, социо антропологии, культурной антропологии». Задача неофициального семинара, по словам Гудкова, была качественно иной — поддержание диалога с представителями самых разных областей. Третий семинар Левады обсуждал тексты, посвященные различным социальным проблемам. Впрочем, у всех семинаров Левады, как подчеркнул Лев Гудков, была единая цель: «Нужно было понять общество и страну, где мы жили. Для этого был необходим арсенал знаний и разработанный аппарат».

Алексей Левинсон, продолжая слова Льва Гудкова, добавил: «Мы лишь чуть «чуяли страну»,

Участники семинаров не могли публиковать результаты своих трудов. К примеру, труды Владимира Библера практически не издавались в СССР до 1991 года. Из 17 сборников, подготовленных еще первым, полуофициальным, семинаром Юрия Левады вышли лишь 2, а тираж третьего был практически полностью уничтожен в типографии. Иногда играло роль и занятие «неправильной» наукой. Как рассказал Юрий Фрейдин, семинар под его руководством, занимавшийся структурной семиотикой, быстро превратился в «кочующий» из-за своей направленности. «И хотя этим же занимался Юрий Лотман в Тарту и его школа позже получила название «московско-тартусской», но в Москве такими вещами заниматься не рекомендовалось», — отметил он.

Семен ЧАРНЫЙ,
корреспондент
Интернет-издания
«Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

На снимках: Борис Беленкин, Юрий Фрейдин, Светлана Неретина, Лев Гудков, Нина Брагинская и Алексей Левинсон.
Фото автора

Муромский житель по кличке Сокол был осужден и расстрелян за убийство. В нем он признался, но не только в этом. Еще Сокол признался во взломе правления местного колхоза и уничтожении стенда с портретами членов Политбюро ЦК КПСС. Сделать такое признание ему посоветовали в местной милиции.

Когда я собирал материал о массовых беспорядках 1961 года в Муроме, я встретился с несколькими ветеранами милиции, свидетелями тех событий. Среди них был 82-летний Иван Петрович Букин (Ф.И.О. изменены), мой земляк.

Я записал его воспоминания. Они мало что добавляли к рассказам о беспорядках 1961 года, однако позволили узнать кое-что новое о деятельности неформальной детской организации, участником которой я сам был в начале 1950-х годов. (В № 128 «30 октября» был опубликован материал «Штаб Мишки Квакина» Александра Васильевича Маслова, председателя Муромского «Мемориала». В нем автор рассказывал о своем участии в «КПШ» (Квакинский полевой штаб) — детской тайной организации, которая наивно и своеобразно протестовала против последствий сталинского режима. — Примеч. «30 октября»).

Вот что рассказал мне Иван Петрович:

«В 1956 году я поступил на службу в отделение милиции села Ляхи Меленковского района Владимирской области. Работая участковым, я постепенно узнал местных хулиганов и воришек, пьяниц и самогонщиков. Серьезных преступлений не происходило, и районный суд не был отягощен работой.

Народ жил небогато: не хватало продуктов питания, одежды и обуви, во многих деревнях не было электричества и радио. Различные грузы перевозились на медлительных быках, в обиходе были кирзовые сапоги и фуфайки. Зато выпускалась местная газета «Ляховский колхозник», из

номера в номер сообщавшая об очередных успехах социалистического труда и колхозной самодеятельности.

Уже 3 года страна жила без Сталина и готовилась к XX съезду КПСС. Селяне надеялись, что там, в Москве, умные головы наконец-то примут решения, которые облегчат жизнь народу, победившему в кровопролитной войне.

Накануне съезда из вышестоящих милицийских органов и райкома КПСС пришли указания усилить бдительность и борьбу с преступностью, чтобы, не дай бог, не произошли какие-либо эксцессы и протестные выступления граждан.

Эксцессов в виде драк нетрезвых посетителей закусокных исключить было, конечно, нельзя. А что касается протестов, их ни-

ЗА ВСЕ ОТВЕТИЛ СОКОЛ

когда у нас не было. Слишком хорошо люди помнили 1917 год и Гражданскую войну, когда часть мужиков ушла к белым, часть воевала за красных. Многие погибли в той братоубийственной войне. В память о том времени одна из улиц носит народное название Комиссаровка, другая — Колчаковка.

Совсем свежими были впечатления о раскулачивании и сталинских репрессиях.

Из газет и радио люди узнали, что культ личности Сталина на

вали нервно: милиция не смогла предотвратить преступление, наверх пока не сообщать, на расследование бросить лучшие силы. К делу подключились чекисты.

Несмотря на все старания, найти злоумышленника не удалось. Опасаясь ответственности за сокрытие такого важного происшествия, местные парторганы все же решились на доклад областному начальству.

Неизвестно, чем бы это все кончилось, если бы в ту пору в Ляхах не произошло убийство. Убийцу вычислили быстро, им оказался местный житель по кличке Сокол. В содеянном он признался, и ему светил расстрел. Убийца характеризовался как малограмотный, вспыльчивый, злоупотребляющий спиртным человек. Политикой не интересовался.

Кто-то из милицийских предложил заодно повесить на него и взлом правления колхоза, и уничтожение стенда с портретами членов Политбюро ЦК КПСС.

Обреченного Сокола во всем заставили сознаться. По приговору суда его расстреляли. Инцидент был благополучно разрешен, со временем о нем забыли.

Я не удержался и спросил Букина, а были ли другие подозреваемые по делу. Подумав, он ответил, что слышал о какой-то группе хулиганистых пацанов. Незадолго до погрома правления колхоза с ними и их родителями провели серьезную профилактику. Напугали их достаточно. Версию об их причастности отметили сразу. Да и вряд ли они смогли сломать крепкий навесной замок.

Мне подумалось, что, видимо, не все испугались и по-своему прореагировали на решения XX съезда. Возможно, это была последняя акция штаба Мишки Квакина. Ничего подобного в нашем райцентре больше не случилось.

Александр МАСЛОВ,
Муромский «Мемориал»

На снимках: Развалины дома Сокола и бывшее правление колхоза «Путь к коммунизму».
Фото автора

РЕПРЕССИРОВАННЫЙ ГРЕЧЕСКИЙ НАРОД СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Репрессии против греков СССР в 1930–1950-х годах XX века, являясь составной частью политики террора советского государства против собственного народа, привели к колоссальным человеческим потерям среди греческого населения, практическому уничтожению его национально-культурных институтов — греческих школ, театров, издательств. Репрессии в форме раскулачивания и ссылки греческих семей в отдаленные и малообжитые районы Севера и Сибири, расстрелов без суда и следствия, заключений в тюрьмы и лагеря, массовых депортаций в Казахстан и Среднюю Азию даже по прошествии многих десятилетий после их окончания продолжают восприниматься греками бывшего СССР как глубокая моральная травма.

Между тем событиям тех лет все еще не вынесена исчерпывающая политическая и правовая оценка. Далеко не все, подвергшиеся необоснованным репрессиям, реабилитированы.

Репрессии против греков закрыли череду этнических операций 1937 года. Директива № 50215, давшая им старт, появилась 11 декабря. Препамбула ее гласила:

«Материалами следствия устанавливается, что греческая разведка ведет активную шпионско-диверсионную и повстанческую работу в СССР, выполняя задания английской, германской и японской разведок.

Базой для этой работы являются греческие поселения в Ростовской-на-Дону и Краснодарской областях Северного Кавказа, Донецкой, Одесской и других областях Украины, в Абхазии и других республиках Закавказья, в Крыму, а также широко разбросанные группы греков в различных городах и местностях Союза.

Наряду с шпионско-диверсионной работой в интересах немцев и японцев греческая разведка развивает активную антисоветскую

д) все осевшие на территории СССР греки, так называемые закордонные агенты ИНО НКВД и Разведывательного управления РККА. <...>

Генеральный комиссар государственной безопасности Ежов!».

Незадолго до греческой, 30 ноября 1937 года, появилась латышская директива № 49990. Сравнивая 2 документа, нельзя не прийти к выводу об общей схеме подготовки и проведения национальных операций. В директивах и приказах НКВД просто меняли национальность и регионы.

Общая схема подразумевает и общие признаки. Первый из них заключался в том, что греки, как и поляки, как немцы, японцы, эстонцы, латыши, воспринимались властью как потенциальная пятая колонна в единственной стране соци-

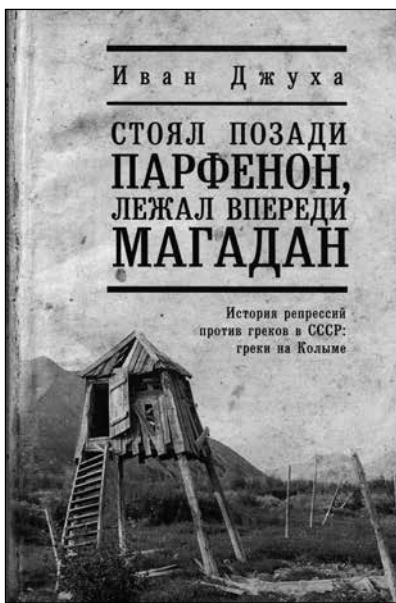
альные побудили Сталина начать против греков специальную операцию. Помимо общей причины — избавления от пятой колонны, — имелись и сугубо «греческие».

Первая — внешнеполитическая (геополитическая). На Грецию Сталин возлагал особые надежды в своих планах на мировую революцию. Именно для этих целей под крышей Коминтерна, служившего штабом мировой революции, в университетах создавались греческие секции. Знакомство с архивно-следственными делами многих слушателей этих учебных заведений дает повод считать их (слушателей) потенциальными проводниками идей мировой революции в Греции, а возможно, и в других странах Европы. Но после восстановления в Греции монархии в 1935 году и прихода в 1936 году к власти правого И.Метаксаса на грече-

15 декабря — 369 человек (7,4% от всех арестованных в области)
16 декабря — 428 (8,6%)
17 декабря — 317 (6,4%)
18 декабря — 208 (4,2%)
19 декабря — 99 (2,0%)
20 декабря — 107 (2,1%)
21 декабря (день чекиста!) — 142 (2,8%)

То есть за первую неделю операции в Донецкой области была арестована треть, а за декабрь — больше половины всех репрессированных (2893 человек, 58,1%).

Примерно та же картина была и в Краснодарском крае, Аджарии, Абхазии, Одесской области. Аресты прошли всюду, где «посчастливилось» жить грекам. На первый взгляд парадоксальным выглядит массовые аресты греков в Вологодской, Свердловской, Новосибирской областях. На самом деле ничего парадоксального в этой репрессивной

националистическую деятельность, опираясь на широкую антисоветскую прослойку (кулаки-табаководы и огородники, спекулянты, валютчики и другие) среди греческого населения СССР.

В целях пресечения деятельности греческой разведки на территории СССР приказываю:

1. 15 декабря сего года одновременно во всех республиках, краях и областях произвести аресты всех греков, подозреваемых в шпионской, диверсионной, повстанческой и националистической антисоветской работе.

2. Аресту подлежат все греки (греческие подданные и граждане СССР) следующих категорий:

- находящиеся на оперативном учете и разрабатываемые;
- бывшие крупные торговцы, спекулянты, контрабандисты и валютчики;
- греки, ведущие активную националистическую работу, в первую очередь из среды раскулаченных, а также все скрывшиеся от раскулачивания;
- политэмигранты из Греции и все греки, нелегально прибывшие в СССР, независимо от страны, из которой они прибыли;

ализма, готовившейся к мировой революции и войне с капиталистическим окружением. Однако помимо родившихся национальные операции общих причин, каждая из них обладала своими индивидуальными особенностями. Были они и у греческой операции.

Во-первых, Греция была единственной страной, которая располагалась очень далеко от границ СССР и вряд ли могла рассматриваться как государство, с территории которого ожидалась военная агрессия.

Во-вторых, среди всего массива иностранно-подданных, проживавших на территории СССР в 1937 году, греки составляли очень большую часть.

С одной стороны, греческий сегмент иностранцев в СССР был царским «наследием», сформировавшимся в конце XIX — начале XX века. Большую часть его составляли греки-понтийцы, прибывшие в Россию до 1917 года в поисках заработка. Это были жители исторического Понта, Понтийского царства, эллинистического государства на южном побережье Черного моря. Еще часть греков оказалась в уже большевистской России после бег-

ства из Турции тех же понтийцев, когда там начались гонения на христиан. Большинство вынужденных мигрантов из Турции не рассчитывали надолго оставаться в СССР, а потому не меняли гражданство. Сотни греков прибыли на заработки из материковой и островной Греции.

Так или иначе, к 1937 году десятки тысяч греков с греческими паспортами и вне подданства (то есть находившихся в стадии смены гражданства с греческого на советское) жили на побережье Черного моря — в Абхазии, Аджарии, в Краснодарском крае, в Крыму, в Одессе. Крупная греческая диаспора сформировалась в Москве. Ее, помимо греков-понтийцев, составляли посланцы греческой компартии. Многие из них были слушателями и студентами в коммунистических университетах национальных меньшинств (например — Коммунистический университет наемных Западного им. Мархлевского, трудящихся Востока). Но приверженность идеалам коммунизма не спасла и их в годы Большого террора.

К специфике греческой операции относится и набор причин, кото-

рых планах Сталина был поставлен крест. Поскольку «виновника» не достать, а отомстить кому-то необходимо, то под удар попали греки СССР и граждане Греции, находившиеся в тот момент в СССР.

Вторая причина — внутриполитическая. О ней уже было сказано — из всех иностранно-подданных, живших к середине 1937 года в СССР, 90% составляли греки. У подозрительного сверх всякой человеческой меры Сталина не мог не вызвать подозрения многолетний отказ греков-эмигрантов от перехода в советское гражданство, что по меркам 1937 года свидетельствовало о явной нелояльности греческо-подданных (а если смотреть шире, то и всех греков, проживавших в СССР) к большевистскому режиму.

В общей сложности в СССР к середине 1937 года проживало около 300 тысяч греков. Аресты, как и предусматривалось директивой №50215, начались в ночь с 14 на 15 декабря. Но они шли и до нее. В первой половине декабря 1937 года были арестованы десятки греков. И все же это был штурм. Настоящий штурм начался 15 декабря. Вот его последствия в Донецкой области:

географии нет. Это регионы, куда ссылали в 1929–1930 годах кулаков с юга Украины и где «одним махом» провели и антикулацкую операцию по приказу № 00447, и греческую по директиве № 50215.

Все национальные операции были по сути краткосрочными кампаниями, когда большинство арестов представителей того или иного этноса производились сразу после появления национального приказа. Другое дело, что оформление протоколов затянулось вплоть до осени 1938 года. Но это было связано с загруженностью центрального аппарата НКВД, где скопилось огромное количество списков из регионов, которые просто не успели просмотреть и преобразовать их в протоколы Комиссии НКВД и прокуратуры СССР.

В национальных операциях кво-тирование (запланированное число жертв) по приговорам не применяли. Хотя 2 случая из истории двух греческих сел, рассказанные автору их старожилками, свидетельству-

Продолжение на с. 7, 8

➤ Продолжение. Начало на с. 6

ют, что на нижних уровнях исполнителей квоты или планы, пусть и неофициальные, существовали. Вместе с тем эти примеры в какой-то мере приоткрывают завесу над одной из «технологических» тайн Большого террора — персональным выбором жертв.

В селе Большая Каракуба Донецкой области (ныне — село Раздольное) за вторую половину декабря 1937 года арестовали 116 человек. Аресты проходили, как правило, поздно ночью. По домам ходили посланцы сельского совета (активисты) и приглашали главу семьи в сельсовет. Когда стало ясно, что явившихся в сельский совет ожидавшие их там работники НКВД увозят в райцентр, люди стали прятаться от визитеров из сельсовета. Но те, не обнаружив хозяина, шли в соседний дом и «приглашали» хозяина того дома. То есть активистам было все равно, кого приглашать персонально. Главное — определенное количество «приглашенных». Один из таких активистов, как-то придя в гости к родственнику, рассказал о своей «работе»:

— Еще 10 человек приведу и план выполню.

Второй пример. В селе Ахалшени близ Батуми план по арестам греков был спущен председателю колхоза. Он собрал актив, объявил задание и попросил собравшихся предлагать кандидатуры. Собрание шло примерно в таком формате.

Кто-то предлагает:

фамилии «вовлеченных» допрашиваемым в «греческую контрреволюционную, националистическую шпионско-диверсионную организацию», после чего арестовывали этих «участников организации» и т.д.

Начиная со второй половины января 1938 года аресты греков резко пошли на убыль. Заметно сократилось число арестов и по другим национальным линиям. И в это самое время появляются 2 примечательных документа. 31 января 1938 года Политбюро ЦК ВКП(б) на своем заседании разрешило НКВД «продолжить операцию по разгрому греков до 15 апреля 1938 года». При этом до 16 апреля сохранялся установленный внесудебный порядок рассмотрения дел арестованных независимо от их подданства. А 2 апреля 1938 года НКВД издает циркуляр № 65. В нем, в частности, говорилось:

«Если родители немцы, поляки, греки и т.д., вне зависимости от их места рождения, давности проживания в СССР или перемены подданства, нельзя записывать регистрирующегося русским, белорусом и т.д.

В случаях несоответствия указанной национальности родному языку или фамилии, как, например: фамилия регистрируемого Попандопуло, Мюллер, а называет себя русским, белорусом и т.д., и если во время записи не удастся установить действительную национальность регистрирующихся, графа о национальности не заполняется до предоставления заяви-

встанческой и контрреволюционной националистической деятельности...» То есть к грекам, как и к другим национальностям, применяли все пункты «безразмерной» статьи 58 УК РСФСР или ее аналогов в союзных республиках. Ограничивались, правда, пунктом 6 (шпионаж), пунктом 10 (контрреволюционная деятельность), пунктом 11 (участие в контрреволюционной антисоветской организации). Реже использовались п. 1 (измена Родине) — как правило, его применяли к военнослужащим, п. 7 (подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли и др.), п. 8 (совершение террористических актов), п. 9 (диверсия). Рекордсменом по числу пунктов обвинения стал Евгений Софиано, двоюродный брат академика А.Сахарова по материнской линии. Ему было предъявлено обвинение по пяти пунктам 58-й статьи: 2, 6, 7, 9 и 11. Стольких же пунктов удостоился «преступления» отца и сына Мавросавас из Мариуполя.

В зависимости от места ареста греки признавались шпионами немецкой, английской, эстонской, японской разведок. (В последнем случае были «неопровержимые» улики: грек из Мариуполя Г.Тума служил на дальневосточной границе и по ночам разводил костры с криками «банзай!»). Когда же выполняли план по китайцам, арестованного в Хабаровске уроженца Ростовской области Н.Василакоса Ксидиаса записали как Кси-Ди-Ас.

лагерным сроком, отправили на Колыму. По крайней мере, 390 оказались в колымских лагерях.

Есть и другие региональные особенности. Все национальные операции носили мужской характер. Но если, к примеру, доля арестованных женщин в Краснодарском крае и в Донбассе составила соответственно 1,5% и 0,8%, то в Одесской области — 20%!

В контексте кровавой операции уникальным выглядит случай, когда расстрельный приговор был заменен на лагерный срок. Ростовчанку Серафиму Бацатис протоколом комиссии НКВД и прокурора СССР от 5 февраля 1938 года приговорили к расстрелу. Через месяц в центральный аппарат НКВД в Москве поступило письмо из Ростовского УНКВД со справкой тюремного врача о том, что С.Бацатис находится на исходе беременности. Во изменение ранее вынесенного приговора «верховная двойка» оформила новый протокол, содержащий одну-единственную фамилию. Серафиме изменили приговор с расстрела на 10 лет лагерей.

Приговоры «по первой категории», как во всех национальных операциях, были основными и в греческой. В связи с этим из многочисленных свидетельств вскрылась еще одна деталь, которая, возможно, является общей для всех национальных операций. Она касается времени суток, когда исполнялись расстрельные приговоры. Если приговоренных не вывозили на расстрельные полигоны, то приговоры приводили в исполнение поздней ночью во внутренних тюрьмах НКВД. Так, в Вологде, где расстреливали ссыльных греков-кулаков (но арестованных в ходе греческой операции) во дворе УНКВД на улице Менжинского (ныне ул. Предтеченская), по свидетельству опрошенных автором осведомленных людей, включили компрессор или заводили трактор. А в Орджоникидзе (ныне Владикавказ) приговоренных к высшей мере наказания «Особой тройкой» расстреляли 5 октября 1938 года после 20 часов.

По Харькову стали доступны документы с фиксацией точного времени расстрела. Примерно половину харьковских греков расстреляли 15 февраля 1938 года в спецкорпусе № 1 УНКВД по Харьковской области.

- С.Афенди — 23 час. 04 мин.
- А.Байдал — 23 час. 05 мин.
- С.Ашла — 23 час. 06 мин.
- П.Бурбахаки — 23 час. 14 мин.
- Д.Каци — 23 час. 16 мин.
- Г.Ксенофонтов — 23 час. 22 мин.
- Г.Лаго — 23 час. 24 мин.
- Г.Максимов — 23 час. 26 мин.
- И.Попандопуло — 23 час. 36 мин.
- В.Хаджинов — 23 час. 38 мин.
- М.Аллакос — 23 час. 40 мин.
- А.Аманатидис — 23 час. 42 мин.
- И.Афанасиади — 23 час. 48 мин.
- И.Драгоманиди — 23 час. 50 мин.
- К.Драгоманиди — 23 час. 58 мин.

Социальное положение репрессированных греков

Социальное положение	Краснодарский край	Донецкая область
Рабочие заводов, фабрик	24,4%	39,6%
Колхозники, рабочие совхозов	43,7%	27,2%

В ту же ночь расстреляли примерно еще столько же греков, о времени расстрела которых сведений в их делах нет. Можно допустить, что их также расстреливали после 23 часов. Таким образом, на умерщвление одного человека уходило от одной до двух-трех минут...

Лагерные сроки получили примерно 2 тысячи греков. Искать логику, почему одних приговорили к расстрелу, а других отнесли ко второй категории, непосто. Чаще всего ее просто нет. Однако некоторая региональная закономерность все же прослеживается.

Возрастная граница между первой и второй категориями в Донецкой области пролегла по 1916

году. Из 28 человек 1916 года рождения расстреляли ровно половину. Не расстреливали рожденных в 1917 году и позже. В Краснодарском крае картина гораздо мрачнее. Здесь расстреляли 70% уроженцев 1916 года (т.е. 21-22-летних), а также и 17-летних.

Не всюду были и скидки на пожилой возраст. Предельный возраст осужденного в Донецкой области установили на уровне 73 лет. В Краснодарском крае и в Абхазии ограничений не было. В Краснодаре расстреляли 86-летнего Михаила Чапаниди, а в Абхазии 79-летнего жителя села Одиши Лазаря Анастасиади приговорили к 10 годам колымских лагерей. (Ни он, ни его сорокалетний сын Илья до Колымы не доехали. Оба умерли в пересыльном лагере Вторая Речка во Владивостоке: отец на третий день после прибытия Тбилисского этапа, а сын на 30-й.)

Греки «обжили» весь ГУЛАГ. Но больше всего попало в колымские лагеря (Севвостлаг) — примерно 1000-1200 человек. Автор имел возможность изучить дела всех 800 узников колымских лагерей. Греки отбывали наказания практически во всех отделениях Севвостлага. Во всех и умирали. Достоверно установлена смерть 370 из них, то есть 46%.

Особенностью греческой операции следует признать и то, что у греческо-подданных не было никаких «льгот». Процент расстрелянных граждан Греции в Краснодарском крае, к примеру, такой же, как и у греков-граждан СССР (соответственно 91,1% и 93%).

Известны имена лишь 25 граждан Греции, в отношении которых вынесен приговор «выслать за пределы СССР».

Арестовывали греков не только по «своей» греческой линии. Их брали в ходе других национальных операций. Точно так же, как греки оказывались польскими или немецкими шпионами, русские, немцы, эстонцы, иранцы попадали в «греческие шпионы» и в число участников «греческих националистических и контрреволюционных организаций». Немало среди греческих «шпионов» ассирийцев, против которых не было специальной операции, но их брали почти во всех операциях против националов.

Разные мотивы были у работников НКВД при аресте негреков: кто-то работал вместе с греками, у кого-то жена была гречанка, как у поляка Константина Тернецкого, иных брали для общего плана...

Одно из распространенных заблуждений в отношении Большого террора заключается в якобы имевшем место преимущественном уничтожении видных партийных деятелей, представителей интеллигенции, то есть статусных людей. В национальных операциях основной удар был нанесен по «простым» людям.

- Константиноиди!
- Другой:
- Константиноиди — двоюродный брат моей жены.
- Тогда Попандопуло!
- Попандопуло — кум моего брата. Его нельзя.
- Муратиди!
- Молчание. Муратиди никому не близкий родственник или кум. И Муратиди заносится в список.

Описанный метод выбора жертв не отрицает фактов доносов как одной из причин ареста. Тем не менее можно утверждать, что роль доносов — во всяком случае, в национальных операциях — сильно преувеличена. Работа автора с сотнями архивно-следственных дел репрессированных греков выявила лишь единичные случаи, когда человека брали по доносу. Анализ других национальных операций (например, польской, харбинской) показывает, что «шпионов» и «контрреволюционеров» находили в паспортных столах, — во всех анкетах в паспортных столах указывалась национальность. Ну и, конечно же, использовался традиционный чекистский прием допроса, когда избитого и изможденного человека заставляли подписывать составленный следователем протокол, в котором значились

телями документальных доказательств о принадлежности регистрирующегося к той или иной национальности».

Помимо главного своего посыла — быть внимательнее на местах к отпрыскам немцев, греков или поляков, — разъяснение имело и второй, скрытый, посыл: греческая и прочие национальные операции будут продолжены.

И хотя аресты были не такими массовыми, как в первый месяц, они шли всю весну и в июне 1938 года последних «греческих шпионов» арестовали в селе Вишневка близ Сочи в августе 1938 года.

Всего по грекам комиссия НКВД и прокурора Союза ССР (верховная двойка), представленная персонально Н.Ежовым и А.Вышинским, оформили 132 протокола: 31 — по Краснодарскому краю, 21 — по Донецкой области, 8 — по Крыму, 7 — по Ростовской области, по 5 — по Одесской области и Грузии. 60 протоколов — по другим регионам СССР.

В протоколах «верховой двойки» отразились все «преступления» греков, собранные воедино в преамбуле директивы № 50215. Все протоколы начинались со слов: «Материалы на лиц, обвиняемых в шпионской, диверсионной, по-

весом вклад в греческую операцию «троек» УНКВД. «Особая тройка» УНКВД по Донецкой области оформила 13 протоколов (433 человека из 513, то есть 84%, были расстреляны), по Краснодарскому краю — 6 протоколов (597 человек из 641, то есть 93%, были расстреляны).

Недоступность протоколов «троек» по другим регионам не позволяет назвать точные цифры репрессированных греков, но ближе к правде будут 13-15 тысяч, из которых примерно 11-12 тысяч расстреляны, остальные отправлены в лагерь.

Точные цифры можно привести по трем регионам СССР, где было сосредоточено примерно 90% всех греков.

Краснодарский край — арестовано 5368, расстреляно 5045, то есть 94%.

Донецкая область — арестовано 3977, расстреляно 3777, то есть 95%, Грузия (Абхазия и Аджария) — арестовано 800, расстреляно 360, то есть 45%.

Низкий процент приговоров по первой категории — одна из особенностей греческой операции на Кавказе. Другая ее особенность заключается в том, что почти всех греков Грузии, приговоренных к

Только около 5% арестованных греков были членами ВКП(б) и ВЛКСМ на момент ареста или в прошлом.

В каждом греческом селе можно найти случаи уничтожения целых семей и родов. Наиболее полная статистика имеется по Донецкой области и Краснодарскому краю.

Окончание на с. 8 ➤

На снимках: На греческом кладбище в Магадане.

Книги памяти репрессированных греков, собранные Иваном Джухой.

Колыма. Бывший лагерь Днепровский.

Растяжка.

Фото автора

ИСТОРИЯ РЕПРЕССИЙ

РЕПРЕССИРОВАННЫЙ ГРЕЧЕСКИЙ
НАРОД СОВЕТСКОГО СОЮЗА

➤ Окончание. Начало на с. 6, 7

Родовые потери греков

Родственники		Кол-во	
		Донецкая область	Краснодарский край
Шесть человек	Отец и 5 сыновей	2	-
	6 братьев	1	-
Пять человек	Отец и 4 сына	2	4
	5 братьев	7	6
	Мать и 4 сына	-	1 (все - ИТЛ)
Четыре человека	Отец и 3 сына	8	9
	4 брата	28	16
	3 брата и сестра	-	1 (Дагдаленовы)
Три человека	Отец и 2 сына	35	24
	3 брата	101	84
	2 брата и сестра	-	1 (Казанджи)
Два человека	Отец и сын	103	129
	Муж и жена	4	17
	Мать и сын	-	2
	2 брата	506	435
	Брат и сестра	7	4
	2 сестры	-	2 (Мовиди, Никохристо)

...Невосполнимые потери (число расстрелянных и умерших в лагерях) составили около 4500 человек.

В Донецкой области проживало примерно 95 тысяч греков. Отнеся к взрослому мужскому населению треть от этого числа, т.е. 30–32 тысячи человек, получаем, что за несколько месяцев 1938 года уничтожено 15% взрослого мужского населения. В Краснодарском крае этот процент еще выше, он приближается к 30%. И если не использовать для случившегося жесткий юридический термин геноцид, то точнее всего это можно обозначить как *национальная катастрофа*.

Греческая операция не ограничилась одним только уничтожением тысяч мужчин и женщин, кто имел несчастье родиться греком или гречанкой. Была разрушена культурная и религиозная жизнь греческого населения СССР. Под большевистский меч попали греческие педагогические техникумы и греческие театры, греческие школы и греческие церкви, греческие газеты, журналы, издательства. Практически все актеры и режиссеры театров, сотрудники редакций и издательств, педагоги, многие из которых приехали из Греции для возрождения греческого языка среди эллинов Советского Союза, были расстреляны.

В Грузии, Краснодарском крае, Крыму и Приазовье прекратилось обучение примерно в 250 греческих школах. Вслед за школами один за другим стали закрываться греческие педагогические техникумы и училища, выпускники которых теперь были никому не нужны. Перестали работать пед. техникумы и пед. училища в Батуми, Сухуми, Ахалцихе, Сантае, Цалке, Мариуполе, Ростове и Крыме. В Одессе закрылась городская радиостанция, транслировавшая передачи на греческом языке. Не начали нового театрального

сезона греческие национальные театры в Мариуполе, Батуми, Сухуми (здесь их было 2). Перестали выходить газеты «Коллективисты», «Коммунисты», «Коккинос капнас»...

Дети репрессированных продолжали преследоваться и после завершения греческой операции. Для клейменных печатью «сын (дочь) врага народа» было закрыто бесплатное среднее образование, и мечтавшие об аттестате зрелости должны были платить за обучение в 9–10-м классах; их не принимали во многие вузы, где готовили специалистов для стратегически важных отраслей народного хозяйства.

Репрессии, обернувшиеся национальной катастрофой и тысячами семейных трагедий, нанесли ошутимый урон самому большевистскому государству. Из каждого греческого села на фронт ушли сотни мужчин. Защитников Родины среди греков было бы во много раз больше, не случись 1937 года.

Как показала война, греки чтят гомеровский призыв «Знамя храбро сражаться!». Только по одному Старобешевскому району Донецкой области на фронт было призвано свыше 1600 греков. Из них не вернулось домой 733 человека. Невосполнимые потери в годы войны с Гитлером составили 46%. Для сравнения: в 1938 году арестовали 789 греков-уроженцев Старобешевского района, из них расстреляли 686, еще несколько десятков человек умерли в лагерях. То есть невосполнимые потери в сталинскую эпоху составили, как минимум, 90%.

Это сравнение для тех, кто по-прежнему считает большевистскую пулю слаще гитлеровской.

Иван ДЖУХА

На снимках: Памятник репрессированным грекам в Магадане. Фото автора

РЕГИОНЫ

КРАСНОДАРСКИЙ «МЕМОРИАЛ» ЗАЯВИЛ
О ЛИКВИДАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

«Внесение в реестр иностранных агентов подтолкнуло Краснодарское краевое общество «Мемориал» к решению о ликвидации юридического лица», — заявил председатель Краснодарского «Мемориала» Сергей Кропачев.

«В августе 2017 года Минюст России внес Краснодарское общество «Мемориал» в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. В сентябре 2017 года Октябрьский районный суд Краснодара по акту Минюста

оштрафовал Краснодарский «Мемориал» на 300 тысяч рублей за то, что его руководство не подало заявление о включении в реестр иноагентов, — рассказал глава Краснодарского «Мемориала». Мы подали апелляцию в краевой суд. 20 декабря 2017 года решение Октябрьского суда было оставлено в силе. Сложно продолжать обжалование, это большие затраты и финансовые, и нервные. Мы не будем больше этим заниматься». При этом Кропачев отметил, что штраф все равно платить придется.

«В 2016 году мы прошли полноценную плановую проверку Минюста. Все было нормально, никаких претензий, и я уехал в Москву в связи с моей основной деятельностью, считая, что у нас все в порядке. Года не прошло — началась проверка внеплановая», — рассказал Кропачев. По его словам, примерно в это же время, в сентябре 2017 года, руководство Краснодарского «Мемориала» приняло решение ликвидировать краснодарское отделение как юридическое лицо.

«Проверка и решение Минюста совпали с нашим внутренним решением прекратить деятельность юридического лица. У нас нет сил продолжать работу, слишком мало людей осталось, и мы решили работать без юрлица, чтобы не содержать бухгалтера, не обслуживать счет и не отчитываться Минюсту», — сообщил Кропачев, заверив при этом, что прекращать работу по созданию Книги памяти они не будут.

«Мы не останавливаем свою жизнь, не отказываемся от своих убеждений, взглядов», — отметил он. Тем не менее, пока работа над десятым томом Книги памяти приостановлена. Девятый том вышел в октябре 2016 года.

По словам Кропачева, в десятом томе планировалось опубликовать биографии репрессированных, фотографии и документы, которые удалось найти в архивах ФСБ и МВД России. Отдельно были изданы книги по этническим операциям НКВД, когда уничтожались люди одной национальности, — так, фактически были уничтожены греческая, немецкая, польская диаспоры Кубани. Именно к изданию «Мартиролога поляков Кубани», соавтором которого является руководитель Польского национально-культурного центра «Единство» Александр Селицкий, у Минюста появились вопросы. «30 октября» подробно писала об этом в № 138.

По мнению Александра Селицкого, ликвидация Краснодарского «Мемориала» ничего не меняет, и работа над восстановлением имен репрессированных все равно продолжится. «Мы, историки, прекрасно знаем, что все зависит от личности, от человека. Не важно, есть юридическое лицо или нет, главное, чтобы были здоровье, силы и желание и осознание того, что это важно», — убежден Селицкий.

Руководитель проекта «Греческий мартиролог» Иван Джуха считает, что Краснодарский край стал пробным камнем для Минюста. (Статью

Ивана Джухи о греческой операции читайте на с. 6.)

«Это такой пробный регион, где можно попытаться «прижучить» «Мемориал», а дальше, если удача улыбнется, распространить на другие регионы. Чечню выносим за скобки, там свои методы, а тут вроде бы все «цивилизованно». Это очень напоминает 1970-е годы: открытые письма, борьба с Солженицыным, сплошные запреты», — рассуждает Джуха. По его мнению, в связи с отъездом из Краснодара Сергея Кропачева и давлением властей деятельности Кубанского «Мемориала», одного из лучших в России, полностью прекратится. По словам Ивана Джухи, работа над «Греческим мартирологом» продолжается, он издается на гранты и за счет благотворительной помощи греческой диаспоры России. «Я никому не принадлежу, работаю самостоятельно. Мартиролог — смысл моей жизни. Но с «Мемориалом» я тесно связан, мы дружим с Сергеем Александровичем, он предисловие к одной из моих книг написал. Я участвовал во всех конференциях, которые он организовывал под флагом «Мемориала» в Краснодаре», — рассказал Джуха. «Одна за одной выходят Книги памяти, проходят конференции на эту тему. Затрагивается политика бывшего государства, а бывшая политика — это уже история, восстановление имен, чтобы они не канули в вечность», — считает Джуха.

Анна ГРИЦЕВИЧ,
корреспондент Интернет-издания
«Кавказский узел»,
www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

На снимке: Александр Селицкий, Сергей Кропачев на презентации «Мартиролога поляков Кубани». Фото Веры Васильевой

ИСПОВЕДЬ НА ТЕТРАДНЫХ СТРАНИЦАХ

Разбирая в очередной раз свои домашние архивы, я вдруг неожиданно вернулась в... чужое прошлое, которое на самом деле — маленькая частичка трагического прошлого нашей большой страны.

«...Никогда не забуду исповеди 70-летней женщины, у которой в 1937 году арестовали отца, врача железнодорожной больницы. Сколько непреходящей боли было в ее словах при упоминании о тех страшных часах, когда отца вместе с другими «врачами народа» под дулами ружей провели по городу на вокзал, а там, до прихода поезда, поставили всех арестантов на колени. И навсегда остался в памяти дочери последний жест отца из окна зарешеченного вагона — прижатый к губам указательный палец: «Молчите...» А спустя годы пришла «бумажка» о смертной реабилитации «за отсутствием состава преступления».

Эти строки — из газетной статьи «Мемориала» «Боль и память», написанной мною в марте 1994 года. Женщина, о которой идет речь, — Валерия Павловна Грицкова, выпускница 1941 года белевской школы № 4 (раньше — № 24). Впервые я увидела ее в 1986-м — на последнем звонке, который звенел в мае того года для нашего класса.

Выпускников 1941-го встречала вся школа. Они стояли на линейке в школьном дворе, ветерок шевелил седые пряди их волос, в руках у них были букеты цветов, в глазах стояли слезы... Они вспоминали свой последний звонок, свой счастливый май, свои мечты... А потом июнь 1941-го всех их призвал в строй...

Выпускники второй половины 1980-х, мы узнали о судьбах своих ровесников военной поры благодаря поисковой работе 8 «б» класса и его классного руководителя Надежды Алексеевны Лукьяновой. Восьмиклассникам приходили письма из разных городов тогда еще Советского Союза полные радости, грусти, воспоминаний и... любви — к своей школе, к родному городу, к Родине, за которую многие мальчишки и девчонки из 1941-го отдали свои жизни.

Валерия Грицкова тоже прошагала дорогами войны — с эвакуационным госпиталем № 1866, где военврачом служила ее мама. С госпиталем, днем и ночью ухаживая за ранеными, выпускница нашей школы дошла до Победы. Уцелела. Их, 1923 года рождения, вернулось с той Великой войны лишь трое из ста. Из каждых ста, ушедших на фронт со школьной скамьи...

Спустя 45 лет родная школа собрала их, выживших и победивших, вновь. Встреча выпускников двух поколений получилась настолько эмоциональной по накалу чувств, что забыть ее невозможно до сих пор. Я буквально «заболела» судьбами этих людей. И так вышло, что с некоторыми из них у меня завязалась переписка. С Валерией Павловной Грицковой мы тоже обменивались письмами. Она была очень одинока. Война и предвоенная трагедия, о которой я узнала чуть позже, многое поломали в ее судьбе... Мне казалось, одно из немногих событий, которое грело ей душу, — встреча их выпуска спустя 20 лет после Победы, в организации которой она принимала непосредственное участие. Вместе с одноклассником Виктором Барановым они разослали своим соученикам групповое фото восьмого класса с надписью на обороте «Если ты друг и помнишь своих товарищей по школе, ты должен быть 17 июля 1965 года в своей родной школе в 10.00».

Встреча состоялась точно в назначенное время и продолжалась целых четыре дня! Впечатления были незабываемые...

А во время нашей с Валерией Павловной переписки в стране уже

шла Перестройка. Осознание всех происходивших событий давалось мне тяжело. Своими «горячечными» мыслями я делилась с дневником, с друзьями и с Валерией Павловной тоже. В студенческом дневнике 1988 года сохранились записи: «Валерия Павловна прислала письмо с газетой об обществе «Мемориал». Вчера прочитала. Не верится, что такое было, что такое

может быть в стране социализма. Не могу представить этого ощущения постоянного страха — ночью особенно, когда замирает сердце от каждого звука, от каждого шороха...».

«Валерия Павловна обещала написать мне «большое письмо-исповедь о прошлых временах». Как мне кажется, это вызвано с ее стороны тем, что я затронула в своем последнем письме вопросы нашей истории. Мне тоже хочется написать ей письмо-исповедь; может быть, хоть взгляд человека, прожившего долгую жизнь при всех «правителях», сможет в чем-то прояснить мои мысли».

Обещанного письма не было долго. Потом я получила конверт с несколькими тетрадными страницами. Это письмо стало для меня потрясением... В дневнике осталась запись: «Первый раз о тяжелом, горьком в своей истории — не из книг и фильмов, не по рассказам, а от живого, знакомого человека... Причем — лично тебе. И — может быть — только тебе?».

Наверное, в тот момент эта исповедь была в равной мере нужна и самой Валерии Павловне, и мне.

75 ЛЕТ СПУСТЯ. ПИСЬМО ВАЛЕРИИ ПАВЛОВНЫ ГРИЦКОВОЙ

В Белев мы приехали летом 1935 года. Перевели по службе моего отца, Павла Илларионовича Грицкова. Так что поступила я в нашу, 4-ю школу, в 5-й класс и через шесть лет ее закончила.

Жили мы на улице Ленина, около Рабочей улицы. Снимали полдома.

Жили мы хорошо и даже, можно сказать, счастливо. Отец был начальником железнодорожной санитарной станции и в железнодорожной амбулатории вел терапевтический прием больных. Мама (тоже по образованию медик, четыре курса мединститута) в то время работала в редакции «Белевской правды» литсотрудником, корректором. В школе у меня было все хорошо, я отлично училась, любила свой класс, у нас была хорошая компания — Умар Каболов, Валя Гольц, Миша Базукин, Боря Муха, Дроздовский (классом моложе), Варя Цветкова (Ефанова), Люся Ананьева, Зина Куприкова (Новикова), я и Роза Солёнова (дочь военного, потом уехала). Мы встречались в доме Вари, который потом разбомбило в первую бомбежку, и в ее саду зимой на лыжах катались.

Новый, 1938 год мы встречали у меня, родители ушли в гости, а у нас был хороший вечер. Как говорят, ничто не предвещало беды.

Это было в 7-м классе. Учились мы во вторую смену. В тот день — 13 февраля — был после уроков непредвиденный отрядный сбор. У меня было скверное настроение, и я пыталась сбегать, но все же до конца досидела. Когда я пришла домой часов в девять вечера, уже все свершилось — арестовали отца.

В квартире был погром. У нас была большая медицинская библиотека —

И встречные люди сообщали мне, что по аллейке провели на вокзал арестованных, в числе других и папу. Наверно, тогда для этого не было машины, и так унижительно, под дулами ружей конвоиров, на виду у всего города, отправляли уважаемого врача и других.

Я побежала скорей домой сказать маме, но она и хозяйка-бабушка с мешком вещей и сухарей ушли уже на вокзал. Я побежала туда и встретила их возвращающимися, с тем же мешком. Так я и не увидела больше папу. Они рассказали, что никого до прихода поезда на перрон не пускали, а заключенных поставили на колени (в мартовский-то мороз!). Провожаящих посадили в вагон. И только в последний момент в окне появился папа. Он прикладывал палец к губам, показывая маме, дескать, «молчи».

Мы с мамой тут же поехали в Москву, в железнодорожный НКВД, куда его отправили. Хотели узнать, на какой срок осудили и куда вышлют. Но нас не допустили — прикладами выгнали из коридора.

И все. Ни одного письма. Где, что? Потом мама все писала прошения Калинин о том, что отец был знающий врач, порядочный человек, всего себя отдавал людям. Так за что же? За что? Ответов, конечно, не было.

В ту пору мои одноклассники вступали в комсомол, и я хотела тоже. Но на комсомольском собрании один старшеклассник за-

стро проходить, и вскоре меня в Хмельницком вызвали в МГБ. Опять дрогнуло сердце: а вдруг жив? Но нет. Сообщили о реабилитации, посмертно. В справке говорится, что осужден «тройкой». Теперь-то мы знаем, что это такое. На какой срок и куда был выслан, не сказано. Выдали свидетельство о смерти. Умер в декабре 1941 года в местах заключения. В общем-то, это отписка, филькина грамота. Интересно, что теперь мне сообщат по этому поводу.

С тех пор вроде бы зажила душа, да и пора — не одно десятилетие прошло. Но вот новая волна реабилитации, уже последняя, и, наконец, нам сказали всю правду. И — старые переживания по новому кругу. Оказалось, эта боль — на всю жизнь. Жаль, что мама не узнала всей правды...

Вот и вся история. По сравнению с тем, что я теперь знаю из прессы, радио, телевидения, — капля в море. И лишь теперь, на

Грицков Павел Илларионович родился в 1893 году в с. Сомово Карпачевского уезда Брянской губернии. Из купеческой семьи. Жил в г. Белев Тульской обл., ул. Ленина, д. 19. Санитарный врач ж.д. станции Белев. Арестован 7 февраля 1938 года. Осужден 4 марта 1938 года «тройкой» УНКВД СССР по Московской обл. по обвинению в АСА к ВМН. Расстрелян 10 марта 1938 года. Занесен в Книгу памяти «Бутовский полигон».

явил: «Ей нельзя в комсомол, она — дочь врага народа». Заступился завуч Казинкин, он сказал, что я отличница, председатель класса, вожатая отряда и (модная тогда фраза) — дети за отцов не отвечают. Приняли.

Но у меня расшатались нервы, я стала болеть и хуже учиться. В 9–10-м классах у меня уже хороших отметок было наполовину. Мама вернулась в медицину, работала в городской санитарной станции.

Тут грянула война...

Когда мы приехали с нашим госпиталем на Украину, о врагах народа уже и не вспоминали. Начались гонения на тех, кто был на оккупированной территории.

Война и время притупили эту боль. После смерти Сталина выяснилось, что все это исходило от него, «отца всех народов». Опять вскрылись старые раны. Потом началась реабилитация. Я долго не затевала этого дела, наверняка зная, что отца нет в живых. В 1957 году я впервые после войны, через 16 лет, поехала в Белев, там еще жила моя тетья — папина сестра Замаарева Анна Илларионовна. Наконец я встретила со своими подружками. Когда я была у Ангелины, к ней пришла ее соседка по улице Пушкина Вера Шира, она училась на класс моложе нас. Ее отец тоже был в 1937 году арестован и уже реабилитирован. Вера окончила юридический институт. Она и объяснила мне, куда и что надо писать. Документы начали бы-

общем фоне, мое горе притупилось. Но все равно сердце заходит, едва представишь, что с людьми делали в гуглаговских застенках. Помню, как впервые прочла в журнале «Юность» № 9 за 1988 год «Крутой маршрут» Евгении Гинзбург. Страшно.

Я помню свое состояние, когда слушала в театре «Хронику сталинских репрессий». Рассказывал Дмитрий Юрасов. Этот парень с 14 лет собирал картотеку репрессированных, 1340 карточек (по утверждению Юрасова около 100 тысяч). Студент историко-архивного института, из которого его исключили за эту деятельность. Пять лет он работал в архивах, полтора года — в архиве Военной коллегии Верховного суда. Собрал огромный материал. Изучил обстановку с 1928 по 1953 год в стране, оцепененной колючей проволокой лагерей. Лекция Юрасова была жутко убедительной, волнующей, к тому же Дмитрий был отличным лектором. За три дня — 11, 12, 13 января 1988 года (по два сеанса каждый день, в 17 и 20 часов) — в Театре юного зрителя эту лекцию прослушали 2700 человек. Весь сбор пошел на памятник жертвам репрессий.

...Ну, вот на эту тему и все. Наконец я осилила свои «свидетельские показания».

*Элеонора ЦЕРБАКОВА,
Белев, Тульская область*

На снимке: Встреча выпускников, 1986 год. Фото из архива автора

НЕ БЫЛО НИКАКОЙ АЛЕКСАНДРЫ ТОЛСТОЙ

«А она была — деловитая, собранная, целеустремленная, верная отцовскому имени и идеалам, жизнь положившая на общественное служение. — пишет о ней Иван Толстой. — Поддержать утративших надежду — первая. Устроить на работу перебежчиков и невозвращенцев, накормить, помочь с бумагами — первая. Обратиться по радио к советским солдатам с призывом одуматься и не давить танками братьев-венгров — первая, в прямом эфире, с митинга в Медисон-сквер-гарден...»

Александра Львовна Толстая, младшая дочь Л.Н.Толстого, родилась 18 июня 1884 года в Ясной Поляне. Она получила хорошее домашнее образование, с юности помогала отцу в литературной работе и стала последовательницей его учения. В 1901 году, освоив машинистку и стенографию, она берет на себя копирование его автографов, разбор почты, по его поручению отвечает на многочисленные письма.

Александра, единственная из близких, была посвящена в тайну «ухода» отца, помогла в спешных сборах ночью 28 октября 1910 года, знала о его местопребывании, по его зову приехала в Шамордино и вместе с ним проделала крестный путь до Астапово.

Во время Первой мировой войны Александра окончила курсы сестер милосердия и ушла добровольно на фронт, служила медсестрой на Кавказском и Северо-Западном фронтах (начальницей военно-медицинского отряда). 21 ноября 1915 года главный комитет Всероссийского земского союза помощи больным и раненым (ВЗС) избрал Александру Толстую своей уполномоченной (во Всероссийский земский союз входил Красный Крест, где Александра Львовна занимала ответственное место: заведовала «Летучкой», то есть спасением тяжелораненых с передовой). Вместе со своей племянницей она не только ухаживала за больными, но и давали им концерты, ибо обе обладали незаурядным музыкальным и певческим талантом. Бывало, до четырех, пяти утра пели они раненым без перерыва, а в 7 утра — опять на передовые...

Александра Львовна была ранена и награждена высшими воинскими наградами — тремя Георгиевскими медалями.

В декабре 1917 года, дослужившись до звания полковника медицинской службы, она вернулась в Ясную Поляну. Дома она вместе с братом Сергеем и небольшой группой ученых приступает к работе по подготовке к выпуску первого, самого полного, собрания сочинений отца.

После Октябрьской революции 1917 года Александра Львовна не захотела мириться с новой властью, которая жестоко преследовала инакомыслящих. Будучи страстной правозащитницей, она не могла молчать и открыто выступала против насилия.

В марте 1920 года ее арестовали по делу политической организации «Тактический центр», о которой она сама не имела никакого представления. На суде она заявила, что лишь ставила самовар для участников совещаний организации, проходивших в ее квартире. В связи с этим Александр Хирьяков в своей поэме «Страшный разговор, или Торжество советской власти» писал: «Тушите свой гражданский жар // В стране, где смелую девицу // Ввергают в тесную темницу // За то, что ставит самовар».

И вот тюрьма, камера, полная крыс², ужас, желание покончить с собой. Александра Львовна была уже готова к расстрелу (об этом она рассказала в 1965 году в интервью историку Алексею Малышеву, собиравшему свидетельства о 1917 году для программ «Радио Свобода»). В августе 1920 года Верховный революционный трибунал приговорил ее к трем годам заключения в ИТЛ

Младшая дочь Льва Толстого прожила долгую славную, успешную жизнь и скончалась в 1979 году в возрасте 95 лет. Любимую дочь великого писателя, ту, которая перепечатывала его рукописи, была его собеседником и доверенным лицом, которой были оставлены наследственные права на все рукописи, единственную, кого он взял с собою, бежав из Ясной Поляны, — ее объявили несуществующей. Ее вырезали, вымарывали из всех фотоснимков и кинохроник, из примечаний и мемуаров, экскурсионных рассказов и музейных экспозиций на 70 лет. Не было никакой Александры Толстой.

В ноябре 1956 года во время вво- да войск в Венгрию на массовом митинге в Медисон-сквер-гарден Александра Толстая выступила по- русски с призывом, который был пе- редан по «Радио Свобода»: «Солдаты, офицеры и генералы Советской Армии! Русские люди и братья! К вам обращается Александра Толстая, дочь Льва Толстого и прези- дент Международного Толстовского фонда... На чьей вы стороне? На стороне мужественного венгерско- го народа, который, презрев террор и лишения, страдания, муки и даже смерть, с голыми руками выступил против своих поработителей, точно так же, как во время Второй миро- вой войны русский герой генерал Власов³ боролся против кремлев- ских душителей? Или вы с врага-

(исправительный трудовой лагерь) при Московском Новоспасском монастыре. Благодаря хлопотам яснополянских крестьян и ксати подоспевшей амнистии, летом 1921 года Александра Львовна освобо- дилась и была назначена храни- тельницей музея-усадебцы «Ясная Поляна». В проект создания ком- плекса входило сохранение дома Толстых, создание культпросвет- центра со школами, библиотекой, программой проведения лекций, постановками спектаклей, устрой- ством выставок, экскурсий.

Ей не платили. Жила она тем, что продавала мед с пасеки — един- ственное не национализированное, что было оставлено ей в качестве средства к пропитанию. Встречалась Александра и со Сталиным. «Вошла в кабинет, — вспоминает она, — и он сказал с кавказским акцентом: «Садитесь, пожа-луй-ста. Чем могу служить?». Она рассказывала о «хо- зяине» Советского Союза, что лиц- ом он напомнил ей унтера царской армии, был как-то по-старинному любезен...

Несмотря на множество трудно- стей, Александре Львовне удалось выполнить намеченную програм- му: действовал Дом-музей, Открыто- показательная станция, открылась школа-памятник, заботливо обу- чали ремеслам и просвещали кре- стьянских детей. С 1925 года она —

директор Государственного музея Л.Н.Толстого в Москве.

В 1929 году, в возрасте 47 лет, Александра Львовна поехала в Японию по приглашению на чте- ние лекций от единомышленников Льва Толстого. Отказавшись ве- рнуться в СССР, она стала поли- тическим эмигрантом. В Японии Александра Львовна пробыла око- ло двух лет. Жилось ей очень труд- но, приходилось довольствоваться самыми дешевыми продуктами. Японским языком она не владе- ла, читала лекции на английском, а в те годы в стране Восходящего Солнца его мало кто знал. Ее под- держивали японцы — последовате- ли теории «нравственного совер- шенствования» Льва Николаевича, но всему приходит конец.

С помощью «толстовцев», на этот раз американцев, Александра Львовна переехала в Соединенные Штаты. Ей пришлось начинать жизнь сначала в самом прямом смысле этого слова. Дочь писате- ля поселилась на ферме благотвори- тельницы миссис Адамс. Нужно было думать о заработке, поскольку она никогда не жила за счет дру- гих. Кроме чтения лекций, а доход от них был совсем невелик, она занялась на ферме крестьянским трудом: разводила кур, чистила ку- рятники, продавала яйца на нью- йоркском базаре. «Физический

труд меня не угнетал, я ведь всю жизнь — единомышленница отца. Работа не была мне в тягость, я даже любила базарную сутоло- ку. Но до базара нужно добрат- ся, а на бензин часто и денег-то не было, да и автомобиль старый, сколько раз он ломался, и я по целым часам стояла на дороге, ожи- дая помощи», — вспоминала она.

В 1939 году Александра Львовна создала Толстовский фонд, сы- гравший важную роль в ее про- светительской деятельности. За рубежом она издала монографию «Отец. Жизнь Толстого». В годы, последовавшие за выходом в свет этого капитального тру- да, Александра Львовна изред- ка помещала на страницах эми- грантских журналов эссе — «Отец всегда все понимал», «О радости смерти» и т.д. Литературный та- лант Александры Толстой наибо- лее полно раскрылся в мемуар- ном жанре. Впервые она обрати- лась к нему еще в Москве, опубли- ковав очерк «Об уходе и смерти Л.Н.Толстого». В эмиграции она написала замечательный цикл ме- муаров из пяти частей. «Дочь», последняя книга цикла, заканчи- вается 1939 годом. Испытала она себя и в художественном жанре — в 1942 году «Новый журнал» (Нью- Йорк) начал печатать ее роман «Предрасветный туман».

ми и палачами русского народа, ко- торые заставили вас пролить кровь героев-венгров, борющихся за свою и вашу свободу?»

В Советском Союзе Александру Толстую убрали из всех фотосним- ков и кинохроник, ее имя не упо- минаясь в примечаниях и мему- арах, экскурсионных рассказах и музейных экспозициях.

Александра Львовна Толстая умерла 26 сентября 1979 года в горо- де Валли Каттон, США. Погребена на кладбище Ново-Дивеевского монастыря, Спринг Валли, штат Нью- Йорк.

*Елена СЕРЕГИНА,
Тульская «Мемориал»*

1. Из интервью Алексею Малышеву (1965 г.).
2. В 1924 году в прессе стали появляться статьи об Александре Львовне, в которых она обвинялась в неправильном ведении дел. В 1929 году она покинула Советский Союз, уехав в Японию, затем в США. В 1939 году органи- зовала и возглавила занимавшийся помощью русским бе- женцам Толстовский фонд, филиалы которого сейчас на- ходятся во многих странах. В 1941 году она получила граж- данство США.
3. Генерал Андрей Власов — советский военачальник, в ходе Великой Отечественной войны перешедший на сторо- ну фашистов. Власов утверждал, что переход к гитлеровцам был совершен им сознательно и что он хотел бороться за русский народ против сталинизма и большевизма.

На снимках: Александра Толстая с отцом. Александра Толстая среди служащих полевого госпиталя. Кавказский фронт, 1915 год. Из личного альбома графини Толстой, Музей «Ясная поляна», Тульская область

➤ Окончание. Начало на с. 1

Бабаниязова, 1896 года рождения, уроженца Каракалпакской АССР, арестованного 7 февраля 1938 года и осужденного «тройкой» НКВД на 10 лет лишения свободы за «контрреволюционную пропаганду». Лагерный срок Реджаб Бабаниязов отбывал во втором Долинском лаготделении (ДКО-2). Работал в лагерной столовой для заключенных и умер 29 июля 1948 года от «энфиземы легких, миокардита и пеллагры. Место захоронения не сохранилось».

Странный диагноз — все болезни «в одном стакане» — давал повод поинтересоваться особо... Место захоронения умерших в ДКО-2 и ДКО-19 (оба лагерных отделения находились на территории Долинки) сохранилось. Это огромное кладбище за бывшим Долинским маслозаводом. Сегодня оно напоминает о прошлом только едва заметными бугорками, густо поросшими травой. Здесь же на этом необъятном кладбище и «братские могилы» — длинные, не-

забор, внушительные ворота, крытый двор, какие бывают на Урале и в Сибири. Проводник наш юркнул во двор, за ним засеменял и мой спутник. Навстречу — хозяин, здоровенный таджик лет шестидесяти (а может, и старше, не разобрать), смоляная борода, глаза цепкие, рукава рубахи закатаны, в одной руке топор. Дружелюбия на лице не читается, незванным гостям явно не рад.

Провожатый наш что-то вполголоса начинает объяснять таджику. Тот слушает в пол-уха — его внимание поглощено моим каракалпакским гостем. Он не сводит с него глаз. Вдруг словно молния сверкнула в его лице — что-то необычное мелькнуло на секунду в глубине смоляных глаз. Только на секунду, словно искра вспыхнула и погасла. И — все стихло, затаилось...

Мой гость тоже весь как-то вдруг подобрался и впился глазами в лицо таджика. Тот решительно отодвинул от себя нашего провожатого, широким жестом распахнул створку ворот, выпроваживая нас и отрицательно качая головой:

Кто был тот бородатый таджик, который, по всему выходило, как и старик, «узнал» моего гостя, так и осталось для меня загадкой. Одно только приходило в голову — возможно, мой гость из Каракалпакии был двойником своего погибшего отца? И тогда...

И тогда выходит, что именно этим и были так взволнованы неожиданные наши долинские знакомцы? Кто знает, что соединяло этих двоих с моим спутником, какое прошлое. Может быть, внезапно ожив, оно и испугало их? Их и его...

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, КОТОРЫХ НЕ БЫЛО

Он появился в краеведческом музее с опозданием на два часа. Чиновная свита окружала кремлевского гостя плотным кольцом — не разглядеть за широкими спинами, кто там гость, а кто «сопровождающие лица». Однако гостю явно были малоинтересны музейные экспонаты, он плохо слушал объяснения музей-

мол, здесь русских людей — бывших «врагов народа», узников печально известной 58-й статьи УК РСФСР — захоронено не меньше, чем японских, немецких, румынских военнопленных, однако...

Гость промолчал. Приехали в Спасск. Москвич взял загода приготовленную лопатку, пакет, пошел один в глубь кладбища, набрал земли.

На обратном пути спросил меня: — Если фамилия известна, следы можно найти?

— Да. Мы с работниками архива многих нашли. С 1986 года многих искали родственники — из разных городов СССР, из заграницы запросы приходили. Родственники многих смогли узнать подлинную причину смерти своих близких. До этого правду о причине смерти часто им официально не сообщали. О расстрелянных отвечали, мол, «десять лет без права переписки» или «умер от сердечной недостаточности». И все.

Гость на блокнотном листке пишет: «Пленкин Андрей Захарович.

для злодеяния следователь в сочиненном обвинении не уточнил и никаких свидетелей этого зверства не представил, да и где бы им тоже было взяться? Дело-то ведь было, как следователь «установил», в 1919 году...

Арестовали, напомню, несчастного Андрея Захаровича Пленкина в 1946 году в Новосибирске, в коммунальной квартире, где он с семьей проживал в одной комнате и где на кухне, якобы (тут уж за свидетелями дело не стало!), «похвалялся» своим контрреволюционным прошлым.

Правда, на суд эти «свидетельницы» — две соседки-доносчицы — не явились, но возможность (и даже полную вероятность!) самого доноса я под сомнение не ставлю. В то время судили за недоносительство строго, а доносчикам оказываемые были повсеместный почет и уважение. Советская мораль начисто стерла смысл старой русской поговорки «Доносчику — первый кнут». За доносы в НКВД людям ордена давали. Засаживали пожилого и не очень

ЗАГАДОЧНЫЕ ВСТРЕЧИ

высоко засыпанные и осевшие от времени рвы, отчетливо видные на местности, куда зарывали расстрелянных по повторному приговору — заключенных, отбывавших сроки по той же 58-й статье УК РСФСР.

Сын Бабаниязова хотел увидеть, где прошли последние годы жизни отца. По дороге мой спутник рассказал, что арестовали отца, когда ему было всего 7 лет. Потрясенный ребенок на всю жизнь запомнил, как отца уводили из дома. Мать плакала, а он, мальчишка, рванул из ее рук к отцу. Два солдата, скрестив ружья, загородили дорогу...

Так и осталась в памяти навсегда эта страшная картина...

Спутник мой был уже далеко не молод, с болезненной одутловатостью лица и тихим грустным голосом. Невысокого роста, в скромном чесучовом костюме, в выдвинутой соломенной шляпе. Обыкновенный такой, ничем не примечательный — встретишь на улице, не запомнишь.

Приехали мы с ним в Долинку, зашли к главе поселковой администрации, рассказали о цели визита. Глава поселковой администрации, назначенный недавно, охотно согласился помочь нам. Тут же, в приемной, толкался какой-то небритый худой старик в поношенной куртке.

— Вот вам и провожатый, — сказал глава поселка. — Может быть, окажется полезным: он в те времена был начальником паспортного стола Карлага, все здесь знает.

Старик повернулся к нам и неожиданно буквально впился глазами в лицо Бабаниязова. Мой спутник из Каракалпакии тоже не сводил глаз со старика. Они пристально вглядывались друг в друга, словно бы пытались что-то вспомнить. Длилось это меньше минуты, но отчего-то меня охватило странное беспокойство.

Выходя из здания, я тихо спросила своего спутника:

— Вы когда-то виделись? Знакомы?

— Нет.

— Раньше бывали в Долинке?

— Нет, я здесь впервые...

Сели в машину. Едем. Я предлагаю проводнику проехать сразу на бывшее лагерное кладбище. Он соглашается охотно, но предлагает сначала заехать к «одному человеку».

Спутник мой затих, ушел в себя.

Подъезжаем к добротному дому на самом выезде из Долинки, по дороге на бывшее ЦПО (Центральное полеводческое отделение Карлага), а в то время, в начале 1990-х годов, совхоз «Карагандинский». Высокий

— Нет, нет, нет, ничего не помню. Не знаю.

Дальше все происходило как в замедленной съемке. Спутник мой поплыл к машине, от его собранности не осталось и следа, он как-то весь обмяк и сжался. Шел молча, не поднимая головы. Старик-провожатый плелся сзади.

Забрались в машину. Поехали.

— Кто это? — не выдержала я. — Он раньше работал в лагере?

— Да, — коротко бросил старик. — У него работали заключенные. В столовой...

— Отец писал матери из лагеря, что работал рубщиком мяса... — прошелестел мой спутник.

— Надо же, ничего не помнит, — сокрушенно покачал головой старик. — Все забыл. Да ведь столько времени-то прошло... Ладно, поехали на кладбище.

На кладбище, всегда поражающем меня своей необъятной величиной, было тихо. Летний день клонился к закату, и, как часто бывает в степи, ветер неожиданно стих.

Мой спутник пошел вперед один, а мы со стариком остались около машины. Разговор не клеился.

— Странно, — начала я, — но у меня такое чувство, будто вы с ним раньше встречались.

— Нет, вижу его в первый раз...

— Но вы так на него смотрели. И тот, хозяин... Может, он вам кого-то напомнил?

Старик промолчал.

Через короткое время мы пустились в обратный путь.

— У меня такое странное чувство, будто вы с этим стариком виделись раньше, — опять завелась я. — Или вы кого-то ему напомнили...

— Странно, но и у меня такое же чувство. А я ведь здесь никогда не был. Я вообще в Казахстане впервые. Странно...

Всю остальную дорогу мы молчали.

Вечерним самолетом сын Реджаб Бабаниязова улетел в Ташкент.

щиков и вскоре отделился от кольца сопровождающих и решительно остановился у стендов экспозиции о Карлаге. На лице его читался неподдельный интерес. Особенное внимание привлек его мой рассказ о Спасском отделении Карлага, позже ставшем отделением Степного особлага. Гость расспрашивал о численности заключенных, о режиме содержания, о смертности в лагере. На мой, впрямую заданный, вопрос, мол, у него интерес протокольный или личный, он пристально поглядел мне в глаза:

— Это история нашей общей родины.

Я промолчала. Хорошо, пусть так. Однако уклончивость ответа дала мне повод усомниться в его искренности. Интерес был явно не только исторический. Личный.

Так и оказалось. После осмотра музея гость попросил меня поехать с ним в Спасск, на сохранившееся лагерное кладбище, которое посещают едва ли не все приезжающие в Караганду гости из дальнего и ближнего зарубежья и которое только в середине 2010-х годов решили объявить мемориальным.

В середине 1980-х и начале 1990-х годов в Караганду приезжало много тех, кто был узниками Карлага — «врагами народа», невинно отбывавшими здесь срок, а также детей погибших в лагере и теперь реабилитированных отцов и матерей, клейменных 58-й статьей. Много лет подряд приезжали сюда литовцы, поляки, немцы. В память о погибших в Спасском отделении Карлага (а позже — Степного лагеря) поставили они свои памятные знаки.

До 1948 года в Спасске находился и большой лагерь военнопленных, так что памятные знаки поставили здесь и немцы, финны, японцы, румыны...

С 2008 года есть знак и от России.

Но тогда еще его не было, и, помнится, я гостю сказала с горечью,

Арестован, может быть, то ли в 1937, то ли в 1936 году.

Молча дает мне.

— Хорошо. Если найду, сообщу.

На этом разговор закончился. Я ни о чем не спросила, и он мне больше ни о чем не сказал.

С помощью работников Управления по правовой статистике и специальным учетам я разыскала в архиве Степлага (выше я уже говорила, что с 1948 г. Спасское лаготделение было переподчинено Степлагу, а до этого входило в состав Карлага) дело заключенного Андрея Захаровича Пленкина, 1878 года рождения, русского, крестьянина, гражданина СССР, беспартийного. Был арестован на территории Новосибирской области в 1946 году по обвинению в антисоветской пропаганде и антисоветской деятельности на территории Новосибирской области.

В чем состояло «преступление» несчастного 68-летнего старика?

Читая дело, я замерла: такую невероятную обвинительную легенду сочинил для несчастного Пленкина следователь Новосибирской внутренней тюрьмы МГБ. По сочинению этого ретивого следователя выходило, что безвестный крестьянин Пленкин до революции был, якобы, несметно богат, имел торговую лавку, маслобойню, заводик какой-то, чуть ли не мануфактуру. Собственность такая обширная, само собой, делала несчастного Пленкина однозначно «классово чуждым и социально опасным» для советской власти.

И еще измыслил «находчивый» следователь, будто Пленкин Андрей Захарович в 1911 году (!) в Барнауле во время крестьянского бунта (само собой, против «царских поработителей») к бунтовщикам якобы не пристал и даже будто бы донес на них царской охранке. Никаких доказательств — свидетельских показаний, документов из этой самой «царской охранки» — следователь к делу, понятно, не приложил ввиду абсолютной абсурдности измышления. Да и откуда каким-либо доказательствам о том, что, якобы, случилось в 1911 году, было взяты в Новосибирской внутренней тюрьме НКВД-МГБ в 1946 году?

Последнее обстоятельство, видно, ничуть не смутило следователя, и он бодро приписал к этой истории более «свеженькую», будто помогал этот враждебный злоумышленник Пленкин самому Колчаку и даже двух красных бойцов то ли шашкой зарубил, то ли топором. Названные ору-

здорового человека всерьез и надолго. Приговорили к 10 годам лишения свободы по статье 58-10 ч.2, 13 с отбыванием срока наказания в ИТЛ МГБ в Карагандинской области.

Этапом из внутренней Новосибирской тюрьмы НКВД-МГБ заключенный Пленкин Андрей Захарович прибыл в Карабасскую пересылку, отсюда — в Карлаг, в Долинку, далее — в каторжный Степлаг с номерами-мишенями на шапке, на колена, на спине — в случае побега «вохра» будет стрелять в беглеца, не промахнется.

Степлаг (Особлаг МГБ), созданный после войны для «особо опасных государственных преступников», славился жестоким режимом, труд в лагере был тяжкий, на рудниках, на шахтах. Здесь последнее здоровье из Андрея Захаровича Пленкина и вышло...

Но не просто в лагере было и умереть. Надо было еще помучиться.

Песчаный Особлаг МГБ (Песчлаг), также созданный после войны на «базе» Степного концлагеря для «особо опасных преступников» с усиленным (тяжелым) режимом содержания, был последним этапом несчастного старика. Здесь он и скончался 15 марта 1954 года от кровоизлияния в мозг (согласно эпикризу лагерного врача) в отделении № 9 (Спасск в 1954 году уже значился лаготделением Песчлага). Номер захоронения в деле указан.

Значит, не случайно московский гость землю в мешочек набирал именно на Спасском кладбище. Знать еще ничего не знал, но не ошибся.

С фотографии лагерного дела на меня смотрит серое лицо человека без возраста, лицо-маска без всякого выражения. Узкое. Худое. Глаза пустые. В них — мука, только мука...

Кем приходился крестьянин Андрей Захарович Пленкин моему неожиданному знакомцу из Москвы, я могла только догадываться. Мое первоначальное предположение, что интерес к Спасску у него был далеко не протокольным, оказалось верным.

Екатерина КУЗНЕЦОВА, Караганда

На снимке: 1989 г.

Фрагмент стены, которую складывали вручную заключенные Спасского лагерного отделения Карлага (описано строительство этой стены у Солженицына в «Архипелаге ГУЛАГ»). Фото автора.

АПРЕЛЬСКИЕ И МАЙСКИЕ ХРОНИКИ

1918. Апрель

В системе Наркомата юстиции появился Центральный карательный отдел (ЦКО) — первый пенитенциарный орган советского государства. В служебной инструкции были сформулированы 2 основных принципа тюремной политики социалистического правительства: самокупаемость (доход от труда заключенных должен был покрывать расходы на содержание мест заключения) и полное перевоспитание. Большинство пунктов инструкции не соответствовало положению дел в стране. ЦКО не мог ни обеспечить заключенных работой (в 1918 г. было занято трудом 2% заключенных), ни заставить местную администрацию следовать своим указаниям. ЦКО почти не имел связи с провинцией. В октябре 1921 г. он был переименован в Центральный исправительно-трудовой отдел (ЦИТО).

1933. 12–18 апреля

Верховный суд СССР в Москве рассматривал дело «о вредительстве на электрических станциях СССР» (дело «Метрополитен-Виккерс»). Оно было инициировано после аварии на Челябинской, Зувевской (Донбасс) и Златоустовской электростанциях. Кроме 12 советских специалистов — инженеров и работников крупных электростанций — в организации систематических аварий и шпионаже обвинялись также 6 английских инженеров — В.Макдональд, А.Монкхауз, Л.Торнтон Дж.Кашни, Ч.Нордуолл, А.Грегори.

На судебном слушании англичане отказались от показаний, данных на предварительном следствии, и заявили, что на них оказывали психологическое давление. Историк Никита Петров полагает, что обвинение во вредительстве было предвзятым: «Уже с 1927 г. в ОГПУ действовали строгие инструкции: любой поджог или промышленную аварию рассматривать прежде всего с точки зрения возможного вредительства, немедленно проверять, не действует ли в данном случае рука «классового врага». Сомневается он и в обоснованности обвинений в шпионаже.

На процессе в качестве специального корреспондента присутствовал Ян Флеминг, будущий автор романов о Джеймсе Бонде. Все советские подсудимые, за исключением одного, были признаны виновными и приговорены к тюремному заключению на сроки от 3 до 10 лет. Приговоры британцам оказались более мягкими: Торнтон приговорили к 3 годам заключения, Макдональда — к 2 годам. Аллана

намерений, а также одобрение террористических актов должны были квалифицироваться по статье 17-58-8, то есть как реальные действия, подготовка к совершению преступления. С этого времени все, даже символические и неумышленные поступки, например неуважительное обращение с портретами и скульптурами вождя партии, а также анекдоты и неодобрительные высказывания в их адрес, рассматривались следствием и судом как террористическая деятельность. Подобные дела находились в исключительном ведении военных трибуналов.

1943. 19 апреля

Совет народных комиссаров СССР своим постановлением создал управление военной контрразведки СМЕРШ («Смерть шпионам»), подчинившееся наркому обороны Сталину. СМЕРШ занимался также фильтрацией солдат, вернувшихся из плена, предварительными зачистками прифронтовой полосы от немецкой агентуры и «антисоветских» элементов, участием в розыске, задержании и ведении следствия по делам советских граждан, действовавших в вооруженных группах, воевавших на стороне Германии. Кроме того, СМЕРШ проводил разведывательную работу по поиску вражеских шпионов и диверсантов среди мирного населения, находившегося в оккупации или угнанного на работу в Германию. В 1941–1945 гг. сотрудники СМЕРШа арестовали около 700 тысяч человек, около 70 тысяч из них были расстреляны.

1968. Апрель

В Москве под редакцией Натальи Горбаневской вышел первый номер «Хроники текущих событий» — машинописный информационный бюллетень московских правозащитников. «Хроника» стала первым отечественным изданием в жанре правозащитного мониторинга и публицистики. Бюллетень выпускался 15 лет. За эти годы он превратился в летопись правозащитного движения и диссидентской активности в СССР. Имена тех, кто готовил выпуски, не оглашались. Н.Е.Горбаневская практически единолично подготовила первые 11 номеров бюллетеня. В дальнейшем над выпуском обычно трудился небольшой коллектив. В группах «редакциях» ключевую роль играли люди, бравшие на себя функцию «выпускающего редактора» (А.А.Якобсон, С.А.Ковалев, Г.Г.Суперфин, Т.М.Великанова, А.П.Лавут, Ю.А.Шиханович). Организаци-

онные обязанности, связанные с подготовкой и распространением «Хроники», взяла на себя Т.М.Великанова (с начала 1970 г. и вплоть до ее ареста в ноябре 1979 г.). Удалось издать 63 номера «Хроники». 2 выпуска не увидели свет — № 59, материалы которого были изъяты КГБ, и последний, 65-й — из-за ареста Ю.А.Шихановича.

1983. 1 апреля

Московский городской суд осудил Зою Александровну Крахмальникову — литературного критика, журналиста, редактора самиздатского журнала «Надежда» — за «антисоветскую агитацию и пропаганду». Это было чисто религиозное издание, носившее историко-просветительский характер и принципиально стоявшее вне политики. Крахмальниковой вменялось в вину составление сборника «Надежда» и передача его на Запад, написание религиоз-

ных статей, написание или подписание писем в защиту Дмитрия Дудко и Татьяны Великановой, распространение книги Дудко «О нашем уповании».

Крахмальникова была приговорена к 1 году заключения и 5 годам ссылки. Она была освобождена в июне 1987 г. в рамках горбачевской кампании по освобождению политзаключенных.

14 апреля

Мосгорсуд направил на принудительное лечение в спецпсихбольницу Владимира Львовича Гершуни — правозащитника, бывшего узника сталинских лагерей, поэта-авангардиста и публициста. Гершуни был членом Свободного межпрофессионального объединения трудящихся (СМОТ), одного из первых профсоюзов, независимого от ВЦСПС, а в 1980–1982 гг. — членом редколлегий информационного бюллетеня СМОТ. За участие в издании информационного бюллетеня СМОТ Гершуни предъявили обвинение по ст. 190-1 УК РСФСР («Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй»).

1933. 8 мая

ЦК ВКП(б) и Совет народных комиссаров СССР утвердили инструкцию «всем партийно-советским работникам и всем органам ОГПУ, суда и прокуратуры». Этим актом прекращались массовые выселения крестьян, продолжавшиеся 3 года, «упорядочивалась» процедура

арестов — их отныне могли проводить только работники правоохранительных ведомств, а не партийно-советские чрезвычайные структуры, созданные для раскулачивания. Постановление определяло максимальное число лиц, которые могли содержаться в местах предварительного заключения во всем СССР, — 400 тысяч человек.

В инструкции отмечалось, что пора сворачивать «массовые репрессии, задававшие <...> не только кулаков, но и одиночников и часть колхозников». Власти предлагали прекратить массовые выселения и «острые формы» репрессий. Инструкция констатировала массовые случаи «беспорядочных арестов» и предписывала производить аресты только органам прокуратуры, ОГПУ или начальникам милиции (аресты, осуществленные последними, должны были быть подтверждены или отменены в течение 48 часов прокурором или уполномоченным ОГПУ). Следователи могли производить аресты только с санкции прокурора. Органы ОГПУ осуществляли аресты с санкции прокурора по всем делам, за исключением дел о террористических актах, взрывах, поджогах, шпионаже, бандитизме.

Таким образом, по существу органы ОГПУ выводились из-под надзора прокуратуры, которая не могла влиять на аресты по наиболее важным делам, находящимся в их ведении.

1938. 10 мая

Для строительства шахт и угольных бассейнов на севере Европейской части страны был создан Воркутинский ИТЛ — один из крупнейших лагерей ГУЛАГа. Он просуществовал до 1960 г. Максимальная численность заключенных в Воркутлаге (в 1951 г.) была 73 тысячи человек.

1953. 29 мая

Начались волнения в Горлаге (Норильск), вскоре переросшие в массовое неповиновение заключенных. Исследователи «Мемориала» полагают, что термин «восстание» следует воспринимать условно из-за ненасильственного характера сопротивления. Волнения, спровоцированные жестокими действиями администрации (стрельба по жилым зонам, убийства заключенных охраной), стали самыми длительными (2 месяца) и массовыми за всю историю ГУЛАГа. В них участвовало несколько тысяч заключенных (в литературе фигурирует цифра 30 тысяч человек).

Заключенным удалось установить контроль над территорией лагеря и начать забастовку. Основным требованием был пересмотр дел политических узников. Волнения подавили с применением оружия. Данные о жертвах разнятся — от 100 до 200 убитых и от 200 до 400 раненых.

«На сегодня известны цифры официального акта, составленного в 3-м лаготделении после «усмирения»: убито 57 и ранено 98 человек, а также цифры потерь, подсчитанных при инвентаризации 5-го лаготделения: убито 58, ранено 128 человек. Необходимо присоединить к этим цифрам жертвы, появившиеся в мае-июне: заключенных, накануне забастовки застреленных солдатами. Это 1 убитый и 1 раненый в 1-м лаготделении; неизвестно число жертв во 2-м лаготделении; в 3-м лаготделении — 6 убитых и умерших от ран (плюс умерший от перитонита Андрей) и 15 раненых; убитый в 4-м лаготделении Софроник; до десятка жертв — в 5-м лаготделении и убитая в 6-м лаготделении женщина, чье имя неизвестно. В кладбищенской книге, где обычно поименно запи-

сываются все похороненные, есть строка, относящаяся к 1953 г.: «о захороненных в общей могиле 150 безымянных телах» (А.Макарова. Норильское восстание. Май-август 1953 года).

Летом 1953 г. восстали заключенные Речлага. В мае следующего года вспыхнули волнения в Степлаге. Там на подавление восставших бросили бронетехнику.

1973. 27 мая

СССР присоединился к Всемирной конвенции об авторском праве. ВААП (Всесоюзное агентство авторских прав) взяло на себя функцию защиты авторских прав советских литераторов. Существует мнение, что целью присоединения к конвенции и создания ВААП было противодействие несанкционированным публикациям советских граждан на Западе, которые предпринимались в обход цензуры. Это мнение выразил в сатирическом письме-памфлете писатель Владимир Войнович: «Кто, думал я, больше всего может беспокоиться об охране своих авторских прав за рубежом? Вероятнее всего, те, кто больше других там издается. Например, А.Солженицын, В.Максимов, А.Сахаров и прочие так называемые диссиденты, извините за модное слово. Было бы естественно предположить, что именно они и вошли в совет учредителей. Но узнав, что председателем совета избран товарищ Стукалин, я сразу отбросил это предположение. Нет, сказал я себе самому, товарищ Стукалин такой совет никогда не согласится возглавить. Но если такая цель у ВААП и была, то остановить неподцензурные заграничные публикации агентство не сумело.

1978. 18 мая

Московский городской суд вынес приговор основателю и руководителю Московской Хельсинкской группы, физика, члену-корреспонденту АН Армянской ССР Юрию Орлову — 7 лет лагеря и 5 лет ссылки за «антисоветскую агитацию и пропаганду». Процесс над Орловым вызвал широкий международный резонанс. В 1986 г., после 8 лет неволи, он был выслан из СССР и лишен советского гражданства.

1983. 6 мая

Верховный суд Литовской ССР приговорил Альфонсаса Сваринскаса — католического священника, участника послевоенного сопротивления, сотрудника самиздатского бюллетеня «Хроника Литовской католической церкви», одного из инициаторов и учредителей Католического комитета по защите прав верующих — к 7 годам лагеря и 3 годам ссылки. Суд счел его деятельность «антисоветской агитацией и пропагандой» (ст. 68 ч.1 УК Литовской ССР, аналог ст. 70 ч. 1 УК РСФСР).

1988. 7–9 мая

В Москве на частных квартирах (а последнее заседание прошло на железнодорожной платформе) состоялся учредительный съезд партии Демократический союз — первой полуправовой коммунистической политической организации в России. Был избран оргкомитет из 14 человек, среди них — В.И.Новодворская и В.В.Жириновский. Съезд принял программу Демократического союза, предусматривавшую ненасильственное изменение существующего в СССР строя.

На снимках: пять из шести обвиняемых инженеров: Л.Торнтон, Ч.Нордуолл, А.Монкхауз, А.Грегори и Дж.Кашни

Зоя Крахмальникова.

Фото из архива НИПЦ «Мемориал»

Монкхауза, Джона Кашни и Чарльза Нордуолла просто выслали из СССР, запретив въезжать в страну в течение 5 лет, а Альберта Грегори и вовсе оправдали за недостатком доказательств. Торнтон и Макдональда через несколько месяцев освободили и тоже выслали из СССР после вмешательства МИД Великобритании.

1938. 15 апреля

Вышла директива Наркомюста СССР № 13с, согласно которой высказывание террористических

1978. 14 апреля

Верховный суд Литовской ССР осудил Балиса Гаяускаса. Среди инкри-

Учредитель:

Международная общественная организация

«Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал»*

* Внесен в реестр иностранных агентов, ослабляет это решение в судах

Издатель и редакция — ООО «Мемо»

Адрес издателя и редакции:

129226 Москва, ул. Докукина, д. 6
Адрес учредителя: 127051 Москва, Малый Каретный пер., д. 12

Тел. приемной: (495)699-1180

Тел. редакции: (495)699-6478

E-mail: 30october@cknot.info

В подготовке номера участвовали Я.З.Рачинский, А.А.Макаров

Главный редактор Г.С.Шведов

Выпускающий редактор Н.В.Савельчева

Литературный редактор Л.М.Алексеева

Корректор Г.В.Заславская

Верстальщик В.А.Ходина

18+

Газета зарегистрирована в Министерстве по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации № ПИ 77-1783 от 29.02.2000 г. Ссылка при перепечатке или цитировании обязательна

Газета «30 октября» № 142 от 15.05.2018 г. (апрель — май 2018). Время подписания в печать: установленное по графику — 10.00, фактическое 10.00.

Тираж — 999 экз. Отпечатано в ООО «Эль-Квест Полиграфикс». Адрес типографии: 107023 Москва, ул. Малая Семеновская, д. 3, стр. 4. Распространяется бесплатно